

И.
ГО
Т-
Ж
ИИ

ISSN 0205—5767

Юный Натуралист 3

1990

3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

4
5
6
7
8
9
10
11
12

ЯЗЫК ТРЕВОГИ

Мир птиц часто воспринимается человеком как мир радости. Разве нет ликования в свободном полете лебедя? Разве нет восторга в самозабвенном пении соловья? Что ж, радость бытия у птиц проявляется ярко и красочно. Но их жизнь отнюдь не похожа на идиллию.

В пении птиц мы склонны улавливать лишь мажорные ноты. Однако на самом деле они звучат очень редко. К выражению положительных эмоций способны немногие птицы. Это наиболее развитые, эволюционно продвинутые виды. В широ-

ком спектре звуков, издаваемых пернатыми, преобладает иная тональность.

Озабоченность, беспокойство, тревога. Именно эти чувства изливаются чаще всего в птичьих звуках. Если пернатых слушать внимательно и без предвзятостей идеализирующего подхода, то уловишь весь драматизм их жизни. Да, это очень напряженная, динамичная, сложная жизнь. В ней масса опасностей. Она полна испытаний, борений, потерь. Хотя в призме идиллического мироощущения все выглядит благополучным. Отсюда и

мнение: птицы живут как в раю. Но так ли это? Звучание птичьего мира говорит о другом.

Слышите возгласы встревоженной ласточки?! Без преувеличений: есть почти бетховенский трагизм в этих звуках. Какая сильная, ударяющая по сердцу тема! И с какой огромной искренностью птица берет эти замечательные аккорды.

Язык тревоги...

Наверно, жизнь впервые заговорила именно на этом языке. Ее начальные звуки были выражением тревоги, опасности. У всего живого на Земле один страх, одна эмоциональная реакция на ужас небытия. Вот почему язык тревоги стал универсальным языком в биосфере. И громче всех — отчетливо и вразумительно — на нем говорят птицы.

Удивительно богаты птички языки. Разве можно выучить все сразу? Даже полiglоты-пересмешники знают лишь избранные наречия. Да и то не полностью, а лишь отрывочно. Вот почему общение в птичьем мире идет по многим независимым каналам. Не зная языка, мы не пойдем чужестранца. Хотя какие тайны он выкладывает, для нас сообщения о них недоступны. Так и птицы ведут свои разговоры без особого засекречивания. Ведь они будут поняты лишь представителями своего вида. А чужаку их речь кажется чистой тарбарщиной.

Но в многоязычном содружестве птиц есть свое эсперанто. Оно понятно всем птицам. И не только им, но еще и рептилиям, млекопитающим. Это эсперанто — язык тревоги. Замечательнейший момент: общение с его помощью осуществляется на межвидовом уровне! И шире: оно соединяет представителей различных классов.

Единый язык жизни!

Единая система связи!

Опасность заставляет сплотиться, забыть о всех различиях и разногласиях. Так и у людей бывает: поднявшись по сигналу тревоги, мы чувствуем себя братьями.

Вот наши перелетные птицы прибыли!

**Юный
Натуралист 3**
1990

Ежемесячный научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Журнал основан в 1928 году. Издательско-полиграфическое объединение «Молодая гвардия».

на места зимовок. Среди них много молодых, впервые покинувших северную родину. Все вокруг чужое, непривычное. Другие окраски, другие звуки. И столько незнакомых птиц вокруг! Это оседлые виды, живущие в этих краях. Как-то они отнесутся к пришельцам?

И вот замечательный факт: если птицам грозит опасность, то все они — и пришлые и местные — начинают понимать друг друга. Сигнальный код, связанный с передачей сообщений об опасности, известен каждому. Золотое начало взаимности — взаимовыручка, взаимоподдержка — тут проявляется в полную силу.

Достоверное наблюдение: если в смешанной стае из перелетных и тропических птиц возникает тревога, первыми знак об опасности подают птицы-северяне. Их сообщение понимают не только местные птицы — оно помимо тропических птиц принимается к сведению и чуткими ящерницами. Все живое настороже! Сила эмоционального воздействия, заложенная в языке тревоги, не признает систематических границ. Рептилия понимает птицу. Понимает однозначно, без всяких искажений.

В птичьих сообществах часто есть вид, выполняющий своеобразную функцию оповестителя. Иногда мы с улыбкой, а то и с досадой говорим о болтливости сороки. Вот опять растрещалась! Ну прямо никакого покоя от нее.

Однако сорока вовсе не является балаболкой и пустомелей. Птица на редкость смысленная, с обостренным вниманием, сорока раньше своих соседей по экосистеме замечает опасность. И сразу ударяет тревогу! Иногда повод для этого может показаться незначительным. Но лучше перестраховаться, чем проявить слепоту. Пусть сорока кажется нам птицей суматошной и взбалмошной, но к ее взволнованному треску прислушивается весь животный мир.

Ранней осенью в наших лесах начинают встречаться смешанные стайки птиц. Это такая же характерная примета времени, как золотая листва или пролет жу-

равлей. Состав этих стайек довольно пестрый и переменчивый. Но тон в них задают большие синицы. До чего же чуткие это птицы! Все видят и все слышат, не упустят вокруг себя ни одной новой детали. Во взгляде этих птиц мне всегда чудится острое любопытство. Сам нрав и характер больших синиц благоприятствует тому, чтобы они взяли на себя ответственную роль. Вот основные их подопечные: разные пеньочки, королики, поползни. Птихи эти уверены — на большую синицу можно положиться.

Среди птичьих врагов особо опасными считаются совы и ястребы. Не потому ли служба оповещения о них у птиц работает безупречно? Существуют специальные сигналы «на сову» и «на ястреба». Они общеприняты для всех членов сообщества. Более того: эти сигналы у разных видов оказываются одинаковыми, тождественными.

Дрозд-деребя, зарянка, крапивник, зяблик, луговой чекан, садовая славка. Сколь несхожи они между собой! И птички их языки тоже уникальны — у каждого вида свой набор сигналов, свой словарь. Но вот сигнал «на сову» у них общий! В разных языках — одинаковое слово. Значит, ему придается особое значение: оно должно быть понятно без перевода.

Сигналы тревоги у птиц обычно очень экспрессивны. Однако это не просто панический крик. Безусловно, такие сигналы являются для птицы эмоциональной разрядкой. Но все же главное в них — передача информации. Даже в самый критический момент птица не теряет хладнокровия. Посылаемые ею сигналы несут в себе тонко дифференцированные смыслы. Это не просто импульсивные вскрики — это именно сообщения: в нем закодированы важнейшие сведения об обстановке.

По характеру сигнала можно понять, что за опасность угрожает сообществу. У птиц существует что-то подобное классификации опасностей. Ястреб, сова, кошка, человек, — для каждого из этих существ имеется свой шифр, свое обозначение. Так что сигнал тревоги правильно ориентирует членов сообщества, давая им вполне конкретную и точную информацию о происходящем. По этим сигналам всегда можно понять, откуда надвигается опасность — с земли или с воздуха. Более того: некоторые птицы умеют

кодировать даже расстояние до опасного объекта.

Птичье содружество...

Красота сложившихся в нем отношений — и прежде всего начало солидарности — выявляется ярче всего в миг опасности. Тогда мы видим: есть у птиц коллективная защита. И они становятся нам еще ближе, еще дороже. Ведь это такая радость — открыть в жизни других существ что-то созвучное нашим человеческим ценностям.

Понаблюдайте за тем, как встречается хищника обыкновенная чечетка. Вот она пристально изучает его на расстоянии. Затем приближается к нему с возгласом «пю-пю». При этом крылья у птицы поднимаются и слабо трепещут. О состоянии чечетки еще нагляднее говорит ее хвостик: он вертикально вздергивается, и частота этих вздергиваний увеличивается по мере сближения с хищником.

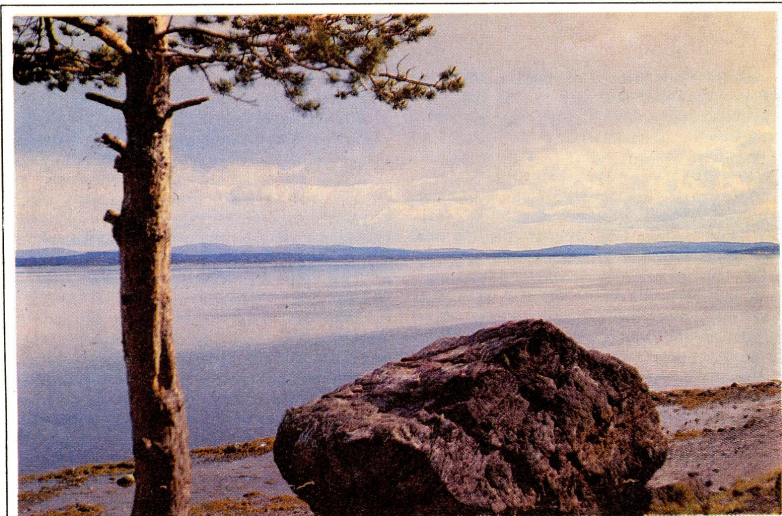
Постоянно повторяющийся позыв «пю-пю» слышат все соседи чечетки. Для них это знак боевой тревоги. Около двадцати птиц собирается вокруг смелой чечетки. Радиус оповещения об опасности быстро растет. Он может доходить до полукилометра. На всем этом пространстве происходит своеобразная мобилизация птиц. Нет, враг не будет подползти к гнездам! Так разворачивается операция «окрикивания» хищника. Право, она достойна нашего удивления и восхищения. Эта сплоченность птиц, эта их способность к коллективным действиям... Наблюдая за тем, как птицы дают дружный отпор врагу, и думаешь про себя: вот еще один прорыв природы к социальности...

Внимание: на горизонте опасность! Раньше всех об этом застрекотала сорока, в ответ ей громко зашелкала горихвостка, словно в резонанс обеим птицам затрещала зарянка; «жи» — громко воскликнула гайка, «джи» — эхом отозвалась большая синица.

Ценная реакция тревоги прошла по всему лесу. И жизнь еще раз взяла верх над смертельной опасностью. Ибо сплоченность и солидарность всегда ведут к победе.

Юрий ЛИННИК,
доктор философских наук,
член Союза писателей СССР

Фото Г. Смирнова

Беломорье

Кандалакша! Слово-то какое странное! Есть в нем и звон от удара волны в борт и днище. Есть и шорох волны, уходящей с берегового песка.

Город стоит на берегу залива синего или черного, потому что в нем отражается небо. В начале лета солнце не заходит, а только чуть закрывается ближайшей горой. А на горе еще сугробы-снежники, будто бы лето к ней отношения не имеет. Из-под снежников ручьи бегут, собираются в речки. В них живет форель с темными крапинками на боку. На горах, в тайге бурелом, замшелые пни. На тропах следы проснувшегося медведя. Присмотришься к ним и видишь кожурки прошлогодней клюквы, какую-то зелень. Голодно косолапому.

Но основное это все-таки острова. На них лето.

Островов очень много на глади залива. Есть большие, а есть и малые. Иногда это каменные отмели, чуть выступающие над водой. По-местному «корги» и «луды». И везде гнездятся и гомонят птицы.

Чтобы не беспокоить птичий народ, острова объявлены заповедными.

Больше всего беспокоились за судьбу утки-гаги. Ее мало совсем осталось. А эта птица необычайно полезный и даже незаменимый производитель знаменитого пуха. В одежде на гагачьем пуху альпинист может спать на ледяном горном ветру, прицепившись к обрыву.

Рыбаки-поморы в варежках из гагачьего пуха часами зимний лов выдерживают. Словом, это незаменимый материал для одежды летчиков, полярников, моряков — всех, кто должен иметь дело с морозом, ветром и льдом.

Гага, конечно, не для людей старается. Этим пухом она согревает своих утят. У нее гнезда из пуха. А пушинки для него она выщипывает у себя на груди. Если ей надо подкормиться, когда она на гнезде сидит, слетит птица без всякой боязни. Ее драгоценные яйца не остынут на полярном ветру. А он может быть и с дождем, и со снегом. Такая уж это земля — Беломорье.

То жара — трава едва не на глазах

растет, комары тучей. Пройдет час — и нет никаких комаров. Скалы в снегу, и море грохочет по-зимнему. И в это время лежит где-нибудь под худосочной сосной пушистое гнездо, похожее на зимнюю шапку. В нем крупные зеленоватые яйца. Вылупятся утята, и мать-гага весь выводок на мелководье уведет. Гнездо ей больше не нужно. Его человек себе может забрать. И вот что удивительно — этот «живой» пух гораздо теплее, чем «мертвый», который можно нащипать, убив птицу.

Убить же ее проще простого. Сидит крупная доверчивая гага на своем гнезде совершенно неподвижно. И подпускает вплотную. Иной раз над ней нагнешься, и только тогда слетает встревоженная мать. Да и то далеко не отлетит. Где-нибудь в десятке метров плавают, делает вид, что купается, перья чистит. А на самом деле — это она так нервничает. Раньше этих простодушных птиц просто палками били. И яйца собирали ведрами. Сейчас такое и в голову никому не придет. Потихоньку, из года в год увеличивается гагачья стая.

Но пуха-то надо все больше и больше! Вот и следят сотрудники заповедника за здоровьем и численностью птиц.

На каждое гнездо заводятся специальная карточка, куда заносится и описание поведения птицы, и вес каждого яйца, и его размер. И так по всем островам!

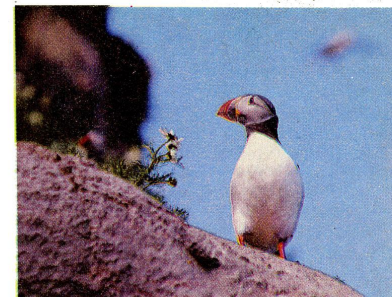
Зачем делать такую огромную работу? И можно ли ее вообще сделать?

Можно! И каждую весну она делается. Правда, работают не только сотрудники заповедника. Им помогают юннаты и из Москвы, и из Мурманска, и из Прибалтики.

По берегу идет цепь ребят. Один конец цепочки на берегу у самой воды, другой — в лесу между соснами. С ребятами сотрудник заповедника. Каждый бугорок, каждую западинку обшарят. Ни одного гнезда не пропустят. И не только гагачьего. Описываются и отмечаются и куличьи гнезда, и гнезда чаек.

Для чего это нужно? Год за годом в заповеднике накапливаются наблюдения. По крупным и мелким фактам и фактикам можно судить о состоянии природы в целом.

Сотрудники заповедника похожи на врачей, которые по пульсу человека судят о его здоровье. Так же и за природой следят. Только вместо пульса — числен-

Тулик.

ность, состояние зверей, птиц, насекомых, растений.

Это только кажется, что здесь природа абсолютно чиста и не тронута человеком. То ветер принесет кислотный дождь из промышленных городов, то танкер с нефтью на камни сыдет.

Так день за днем, остров за островом прочесываются все берега. Те, кто на работу биолога глядел только как на прогулку на свежем воздухе, сразу отсеиваются. Но в основном ребята работают до конца. И на холодном ветру, и в горячем душном лесу среди комаров, пней и болотных кочек, среди осклизлых от водорослей валунов. Гнезда гагачьи собирать — работа не из приятных. Там, в пуху, и блох, и клещей хватает. Они, правда, птички и долго на человеке не задерживаются, но, случается, и кусают.

Зато красота в Беломорье сказочная! Иногда затихнет ветер, золотым зеркалом станет залив, а в это зеркало голубые и розовые камни-острова впаяны. На них нежная зелень травы, молодой хвои, хвощей и кустарничков. В лесу болотным чертом вдруг выскочит потревоженный глухарь. Закричит где-то гагара, отзовется ворон.

И чайки, чайки... Их много. Крик их то надрывный, то ликующий — это как кому покажется.

По побережьям крадется лиса — лакомится птичьими яйцами, а из воды вдруг высунется усатая пучеглазая морда — это играет тюлень-лахтак.

Воду залива и дно вместе со всеми обитателями тоже охраняют. Но основное направление работы — это, конечно, изучение птиц.

Каждый год отсюда улетают на зимовку тысячи птиц с алюминиевыми колечками на лапках. Там они иногда попадают в руки людей. Те посылают колечки в заповедник, и вот какие интересные птички маршруты эти колечки показывают: камнешарка зимует в Африке, в Анголе. Летит семь тысяч километров. Куличок-турухтан тоже в Африке, но на севере. Малыш луговой конек зимует там же.

Рекордсмен же всяческих перелетов — острокрылая полярная крачка. Она летит в Австралию за четырнадцать тысяч километров!

Всего же заповедник окольцевал триста двадцать тысяч различных птиц!

Так, в поисках гнезд, сборе пуха, в писании карточек и дневников и в бесконечных переходах, тянется полярный день.

Наконец команда: «Едем домой!»
Корабль — попросту большая пузатая

лодка с каютой и рубкой рулевого, сам похож на морскую птицу. По-местному называется дора. Этот игрушечный кораблик по сигналу подходит к берегу, забирает ребят. И после этого длинного дня, наполненного и ветром, и чайным криком, и лазанием по скалам, и работой, — после него так приятно взять кружку с крепким и сладким чаем! Усталость быстро усыпляет, и скоро почти все дремлют на скамейках каюты, привалившись друг к другу. Дора, неторопливо одолевая волны, движется к базе.

А ребятам еще долго и здесь, в каюте, и потом в далеких городах будут снится голубые и розовые скалы и хрустальная гладь залива, имя которому дал город на его берегу — Кандалакша.

В. ЕСАУЛОВ

Фото Р. Воронова,
Р. Дормидонтова и Г. Смирнова

Ловкачи и простофили

Птичье яйцо — исключительно ценный питательный продукт. И это хорошо известно не только человеку. Среди зверей, птиц и даже рептилий немало видов, в рационе которых яйца пернатых составляют существенную долю. Присутствие таких видов особенно характерно в местах массовых скоплений гнездящихся птиц, например, на птичьих базах — многочисленных плотных поселениях морских колониальных птиц. Основу населения большинства наших северных и дальневосточных базов составляют кайры, которые гнездятся необычайно плотно (до 20 птиц на 1 м²), откладывая единственное яйцо прямо на голые камни без укрытия. Такое обилие птиц и открытость их гнездования привлекают различных четвероногих и пернатых хищников, в том числе крупных хищных чаек. На Командорских островах нам приходилось наблюдать, как складываются отношения между гнездящимися кайрами и серокрылыми чайками.

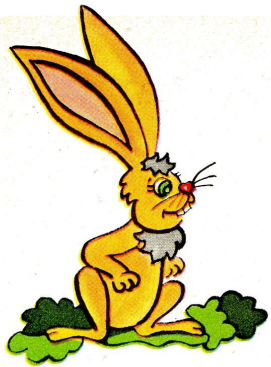
Чайки не рискуют отнимать яйцо у кайры силой. Кайра, хоть и поменьше ростом, но противник серьезный: умело пускает она свой острый клюв в дело, отчаянно защищая будущее потомство. Однако среди сотен и тысяч сидящих на яйцах птиц время от времени непременно найдется простофиля, оставивший без присмотра свое имущество. И уж тогда чайка постарается не прозевать такой случай, особенно если события разворачиваются где-нибудь на окраине колонии. Мгновение — и раз-

бойница у намеченной цели. Хватает яйцо крошечным клювом и сразу же отступает в сторону, чтобы кайры-соседи не докучали. Теперь можно спокойно расправиться с содержимым яйца, предварительно разбив его о камни.

Некоторые группы гнездящихся кайр имеют своих постоянных чаек-контролеров, которые словно пастихи неотступно находятся при своем стаде и только сами собирают с него дань, рьяно прогоняя чужаков. Залетным чайкам в таких случаях приходится туго: если удалось схватить оставшееся без присмотра яйцо, то уноси скорее ноги, пока собрат-хозяева не наказали за такую дерзость. В лучшем случае им удастся на месте проглотить яйцо целиком. А уж о том, чтобы без спешки совершить трапезу, и думать не приходится: чайки-хозяева мгновенно реагируют на появление в своих владениях чужаков и атакуют их.

Ю. АРТИУХИН
Фото автора

Наш Вестник

ПОМОЖЕМ ВЕСНЕ!

Вы заметили, что когда речь заходит о птицах, у нас язык не поворачивается назвать их животными, хотя они, безусловно, принадлежат к миру животных. Мы так и говорим: птицы, подчеркивая тем самым особое положение этого класса позвоночных животных, выражая свою любовь к ним.

Пришла весна, и так уж издавна повелось, что ее приход неразрывно связан в нашем сознании с прилетом птиц, с их весенними хлопотами. Надо найти друга или подругу, подыскать место для гнездования, сделать гнездо, вывести птенцов, поставить их на крыло...

Весна — благодатная пора для наблюдений за птицами. Но в период гнездования пернатых надо вести себя в природе особенно осторожно, чтобы птицы, поднятые с гнезда, не покинули его навсегда.

В рубрике «Поиск» ребята из разных областей страны расскажут о своих наблюдениях за птицами, об исследовательской, поисковой работе, которую они ведут.

ПОИСК

Чтобы построить гнездо, нужен строительный материал, и птицы обычно берут его у природы. Но находят в птичьих гнездах иногда клочки бумаги, тряпок, всевозможный строительный мусор.

Мне посчастливилось тоже найти необыкновенные гнезда. Это была большая удача и небольшое открытие. На чердаке девятиэтажного дома располагались металлические гнезда обычных сизых го-

лубей. Голуби, как известно, строят свои жилища из небольшого количества сухих веточек, добавляя немного перьев, найденных где-нибудь поблизости. А тут — гнезда из проволоки! Данных о том, что голуби используют металлическую проволоку как строительный материал, я еще нигде не встречал. Среди восьми голубиных гнезд, которые находились на чердаке, только два были металлическими. В одном из них было два совершенно ненасиженных яйца, а второе гнездо только строилось. В десяти метрах от этого гнезда я заметил голубя с проволокой в клюве.

Основным строительным материалом для гнезда была железная проволока сечением два миллиметра. Кусочки длиной 15—20 сантиметров. Лоток имел вид неглубокой чашечки и был выстлан медной проволокой в изоляцию. Кроме проволоки, для строительства гнезд голуби использовали в небольшом количестве тоненькие веточки различных растений, вату, перышки, клочки бумаг.

Осмотрев чердак, я нашел в одном из его углов кучу строительных отходов. В куче были железные прутки, которые голуби решили использовать для постройки своих гнезд. Дальнейшие наблюдения за гнездами пришлось невольно прекратить. На чердаке начали ремонт, половину гнезд колонии голубей раздавили. Пропали и оба металлических гнезда. А когда на чердаке был наведен порядок, куча мусора исчезла, и голуби больше металлические гнезда не строили.

Я решил провести эксперимент: на нескольких чердаках разложил небольшими кучками железные прутки сечением от 1 до 4 миллиметров. Через неделю нашел на одном из чердаков «проволочное» гнездо. Но почему-то яйца в это гнездо голуби так и не отложили. На других же чердаках птицы гнездились по старинке.

Т. ДЖУСУПОВ,
г. Новосибирск

Первый раз я увидела снегирей в ноябре. Солнце светило ярко, а безобидные пташки прыгали с ветки на ветку и негромко щебетали. Песня их была тихая, непохожая на песню воробья, синицы или другой птицы. Казалось, что мелодия летит из пространства и поют ее сразу все. Грудки птичек были красные и горели как лампочки. И больше после этого дня я их не видела.

Прошел ноябрь, декабрь, январь, и февраль пролетел, а снегирей все не видно. Мне подумалось, что я не увижу их до следующей зимы. Наступил март. Дни его были изменчивы. В один день — солнышко, в другой — ветер холодный налетает. И вот однажды, когда я шла из школы и солнышко сияло так ярко, услышалась мне чем-то знакомая песня. Подняла я голову и увидела, что скачут с ветки на ветку и поют она песенку снегиря. Только теперь она была невеселая, как будто прощальная. Где же были вы всю зиму, снегиря?

Наташа ЛУШИНА,
г. Дзержинск
Горьковской области

Три года я наблюдаю за поведением гусей в Ленинградском зоопарке. Здесь на небольшом пруду в общей гусяноутиной стае живут представители всех континентов нашей планеты: черные лебеди из Австралии, малые лебеди из суровой тундры, магеллановы гуси из Южной Америки, горные гуси из Азии.

При беглом взгляде на птиц трудно предположить всю сложность взаимоотношений в этом сообществе. Но при длительном наблюдении обнаруживаются необычные и непостижимые взаимосвязи между разными видами и отдельными особями. Каждая птица знает свое «место», умеет налаживать отношения с соседями, понимает, где можно постоять за себя, а где целесообразнее не связываться с соседями. В птичьем поселении часто происходят интересные случаи. Вот один из них.

Жили в зоопарке два старых горных гусяка. Они никогда не разлучались друг с другом, смело отстаивая свои интересы, и за это были уважаемы в большой гусяноутиной семье. Гусяки были холостяками. Пришла весна. У многих птиц в гнездах вывелись птенцы, и закипела на пруду суетливая жизнь. Изме-

нилось поведение и у холостяков. Они выбрали гнездовой домик, охраняли его и делали вид, что у них, как у всех гусей, будет семья.

Рядом с домиком гусяков была вольтера с птенцами разных видов гусей, выведенными в инкубаторе. Родители бросили их, когда те были еще в яйце, и даже детьми своими уже не считали. Гусята были совсем одиночками, и горные гусяки решили усыновить их. Они стали охранять вольтеру с этими птенцами от других птиц. Но этих же гусят захотели усыновить два белых гусяка. Встретились горные и белые гуси, и никто из них не хотел уступать гусят соперникам. Они долго кричали друг на друга, потом стали гневно гнуть шеи и грозно распускать крылья. Гуси открывали клювы, шипели, постепенно надвигались на соперников. Тут один горный гусяк схватил белого за шею и начал щипать, но второй белый гусяк не бросил товарища и вцепился в перья горному гусяку. Тогда его стал щипать и бить крыльями второй горный гусяк. Долго дрались гуси, летели во все стороны перья, далеко были слышны громкие крики и хлопанье крыльев. Белые гуси оказались менее стойкими и в конце концов со всех ног пустились подальше. Горные гуси долго «праздновали» победу: торжествующе кричали, с гоготаньем обращались друг к другу и с важно поднятой головой гордо прохаживались около отвоєванных птенцов.

Вскоре гусята были выпущены из вольтеры, и горные гусяки уже ни на шаг не отходили от них. Гусяки яростно охраняли и защищали птенцов, не позволяя даже таким сильным птицам, как пеликаны, близко подходить к гусятам. Особенно усердно занимался воспитанием птенцов один из гусяков. Он даже выбрал себе одного «любимого» и одного «нелюбимого» гусенка. Защищал он всех, но «нелюбимого» иногда щипал. Охраняли птенцов гусяки почти целый год, хотя другие птицы раньше расстались со своими детьми.

Гусиные стаи приняли и зауважали гусят, воспитанных гусяками, в то время как других инкубаторских птенцов гуси били и даже не подпускали к кормам. А самих горных гусяков их соседя стали уважать еще больше.

Наталья ГРАВЕЛЬ,
Ленинград

Я занимаюсь в орнитологическом кружке при Витебской станции юннатов. Наш кружок еще молодой. Руководитель Аркадий Андреевич преподает в педагогическом институте, а в свободное время ведет наш кружок. Занимаемся мы в основном изучением птиц. Собираем коллекции гнезд и яиц птиц. Наиболее удачные коллекции хранятся в музее при станции. Еще мы собираем соцветия, стебли и семена растений, поврежденных птицами. Мне очень нравятся многочисленные экскурсии на природу. Лучше всего мы изучили жизнь дятлов, дроздов, ласточек и некоторых других городских птиц.

Большое внимание мы уделяем изучению редких для нашей области птиц, причины их исчезновения, способы их охраны. Самыми важными причинами можно назвать: исчезновение мест обитания и уменьшение запаса кормов. Из-за этого нарушается экологическое равновесие в природе. Уже не редкостью стали стаи чаек, никогда раньше не появлявшихся в черте города, на свалках, около бачков с пищевыми отходами.

Столкнулись мы и с такой проблемой. При выжигании сухой травы в огне гибнут гнезда наземно гнездящихся птиц. Мы очень много раз находили обуглившиеся гнезда жаворонков, чьи песни радуют наш слух весной...

Занимающихся в нашем кружке не очень много, но это не мешает нам вести интересную и полезную работу по изучению птиц.

Сергей СКУРАТОВИЧ,
г. Витебск

Доброта... Ни о чем так много мы не пишем в нашем журнале, как о ней. Разнообразны проявления доброты. Но всегда, сталкиваясь с добрыми делами и поступками, испытываешь светлое и радостное чувство.

УРОКИ ДОБРОТЫ

На нашей станции живут два белых аиста, Жора и Яша, за которыми мы ухаживаем.

Привезли Жору осенью два года назад

работники Брестской областной станции юннатов. Поместили в вольеру к фазану Феде. Тот отличается задиристым нравом, бросается даже на ребят, когда ему ставят корм, меняют воду. Но Жору принял спокойно. Кормим Жору в основном свежемороженой рыбой, которую размораживаем, режем на куски и удаляем из нее кости. С удовольствием Жора поедает творог, вареное яйцо, лягушек и головастиков.

Поздней осенью перевели аиста в теплицу, где специально отгородили для него место. Жора очень радуется каждому дождевому червя, которых так ловко выхватывает из рыхлой земли. Съест 2—3 червя и запрокидывает голову, стучит клювом — благодарит.

Пришла весна, и мы перевели Жору в летнюю вольеру. Однажды нечаянно выпустили птицу. И вдруг он взлетел! Круг за кругом, все выше и дальше улетал аист от станции. Вернется ли, как перенесет такую нагрузку? Ведь место для зимовки было отгорожено небольшое, так долго аист не летал... Но Жора прилетел через полчаса и сразу стал пить воду и есть рыбу.

С тех пор мы стали выводить Жору по утрам из его дома. Он доволен. Гуляет по территории станции, заходит на огород, ищет дождевых червей, потом в саду собирает лягушек и пощипывает траву. У Жоры два любимых места: труба на крыше станции и стеклянная крыша теплицы. Однажды в теплице произошел с Жорой несчастный случай. Проводили капитальный ремонт и убрали все стекла сверху, а рамки для стекол остались. Жора кружил над теплицей и решил сесть, как обычно. Только не понял, что теплица без стекол, и упал прямо на цементную дорожку между стеллажами. Мы с ребятами вбежали в теплицу, подхватили аиста. Глядя на израненное крыло и ногу Жоры, девочки расплакались. Мы обработали раны аиста йодом и отнесли его в вольеру. Несколько дней Жора не выходил на волю, с неделю еще хромал. С той поры аист никогда не садится на теплицу.

К следующему лету Жора окреп, подолгу летал над станцией и даже залетал далеко в город. Первое время мы очень тревожились, звонили, ездили искать аиста. Вылеты Жоры становились все чаще и чаще, и звонить стали уже

нам. То залетит на машиностроительный завод, то в Северный микрорайон, и везде собирает много людей. Позволяет подходить к себе и всегда благодарно стучит клювом, когда ему дают что-то вкусное.

Поздней осенью в Северном микрорайоне ребята встретили еще одного белого аиста. Он совсем почти не летал, дрожал от холода. Назвали аиста Яшей. Подселили его в теплицу к Жоре. Яша быстро освоился и, хотя был младше Жоры, скоро обошел его в весе и размерах. Характер у Яши несносный — такой забияка, драчун, даже у Жоры еду отнимает, поэтому кормим их порознь.

Весной следующего года обоих аистов выпустили на волю. Но, крепко привыкнув к нам, аисты никуда не улетели с участка юннатской станции. Если и отлучаются на день-два, все равно возвращаются обратно.

Ребята из кружка «Юный зоолог»
городской станции юннатов,
г. Барановичи
Брестской области

Не только в природе общаются ребята с птицами. Канарейки, волнистые попугайчики, щеглы, снегирь — нередкие обитатели наших квартир и школьных жилищных уголков.

Домашним животным посвящена наша рубрика «Зоопарк на дому».

ЗООПАРК НА ДОМУ

После окончания второго класса родители наконец-то купили мне попугая, которого я назвала Кешей.

С приходом тепла мы переселили его на балкон. Сначала он боялся криков других птиц, но потом привык и стал сам им подпевать.

Однажды, сидя в комнате, я услышала крик и писк нашего Кеша. Выйдя на балкон, я увидела такую картину: разъяренный Кеша мечется по клетке и орет не своим голосом, а по балкону летает чужой попугай, каким-то непонятным об-

разом попавший к нам. Наверное, от кого-то улетел и не может найти дорогу домой. Я начала ловить этого попугая и нечаянно вырвала у него длинное перо из середины хвоста. Но он на это только пискнул и не обратил больше никакого внимания. Тогда я решила не ловить его, а насыпать побольше зерна и оставить клетку открытой, чтобы он мог туда войти и попугай сами познакомились и разобрались на своем языке. Оказалось, чужак был голоден. Он не раздумывая залез в клетку и начал уплетать зернышко за зернышком за обе щеки. Попугай подружился и живут теперь вместе.

А на следующий день, утром, я услышала такой же крик, но кричали уже оба попугая. Я подумала: «Неужели третий прилетел?» На балконе я увидела большого воробья. Он, наверное, собирался отобрать корм у попугаев. Неприятный гость, я его прогнала.

Как интересно иметь у себя дома пернатого друга. С ним никогда не соскучишься.

Маяя ГУЛЯНСКАЯ,
г. Харьков

Есть обычай при свадебных процессиях носить петуха — символ счастья и плодородия. Деревянный петушок, устанавливаемый на князьке кровли в наших сельских домах, призван был охранять жилье от всяческих бедствий.

Древние люди искали магической защиты у птиц. В наше время сами птицы нуждаются в реальной охране.

МЕСЯЦЕСЛОВ

март

Снег сошел, оставшись еще кое-где грязными рыхлыми клочками в лощинах и тенистых перелесках. Из-под него выглянула обнаженная, мокрая, теплая земля, отдохнувшая за зиму и теперь полная свежих соков, полная жажды нового материнства. Над черными нивами вился легкий парок, наполнявший воздух запахом оттаявшей земли, — тем свежим, вкрадчивым и могучим пьяным запахом весны, который даже и в городе узнаешь среди сотен других запахов.

Александр КУПРИН

ВЕСНУШКИ

Второй день залитый солнцем бор глухо шумит и покрехтывает под натиском штормового ветра. В густолесье, правда, потише, но на просеке, где я троплю лыжню — одну из последних в сезоне, — потягивает сквозняк, гуляет поземка.

Мартовский снег ослепляет, но я все же замечаю: он усыпан крошечными рыжими веснушками. Приглядываюсь — да это же чешуйки и семена березовых сережек! Под порывами ветра крылатки скользят по снегу, движение их бесконечно, как на муравьиной тропе.

Однако не все чешуйки укатят бог весть куда. Всюду их поджидают ловушки — затишки за сугробами и деревьями, ямки от лосиных и заячьих следов... Вот и мой лыжный след уже золотится от насыпавшихся в него чешуек. Медными слитками отливают круглые вмятины от лыжных палок. Я гляжу на них и знаю, что будет наперед: в апреле начнет истаявать и оседать снег, а тот, что присыпан березовыми веснушками, со-

хранится дольше. Столбики снега под рыжими шляпками оплавятся, истончатся...

ОТЧЕТО ПРОСНУЛСЯ МУРАВЕЙНИК ?

Наконец-то наткнулся на следы колонка. Давно хотелось пройти по местам разбоя этого хищника, а может, и увидеть его самого — стремительного, легкого, в охристо-палевой шубке.

Четкая строчка следов привела к небольшому снежному холмику, похожему на вулкан с потухшим кратером. Неужели нора? Осторожно подхожу — в отверстии что-то чернеет, курится едва приметный парок.

Кругом ослепительно сияет снег, и потому я не сразу рассмотрел, что черное пятно — макушка муравейника. Присел возле и не верю глазам: на дне «кратера» шевелятся, копошатся муравьи! Они чуть живые, но что-то пестаскивают, переворачивают, — без работы муравьи не могут. Самые не-

терпеливые поднялись по обледенелым стенкам «кратера» и вылезли на снег. Далеко они, конечно, не ушли. Первые в жизни вижу на снегу оцепенелых и замерзших муравьев... И впервые (в Западной Сибири) отведал так рано натуральной муравьиной кислоты — 23 марта!

Долго проторчал я возле ожившей колонии, похаживая кислую былинку. Хотя в «кратер» заглядывало солнце, образуя в его стенах микроклимат, но был он довольно прохладным и сырм. Не ко времени проснулся этот муравейник — крохотный жилой островок среди глубокого снега. И каким образом? Я обследовал в округе все другие муравейники, но они были под снегом, спали. Бодрствовал только тот, к которому меня привели следы колонка. Стоп, а не кроется ли в этом разгадка? Ведь вполне вероятно, что муравьев «спровоцировал» зверек. Разрыл ради любопытства снежную макушку муравьиного «вулкана» и убежал. Остальное доделало солнце...

ПЕРВАЯ ПРОТАЛИНКА

Дальняя была у нас дорога в скучной с виду заснеженной лесостепи. И шофер попугай оказался неразговорчив: знай себе покручивает баранку да чему-то хмурится...

И вдруг я увидел ее — первую проталинку — рыжеватую, курящуюся на солнце. Увидел и не мог не вспомнить, как в далеком детстве, на Алтае, мы,

деревенские пацаны, радовались первоземелью: кувыркались, боролись, затевали чехарду. И обязательно — хоть на пять минут — сошвыривали, как колодки, валенки, чтобы поковылять босиком. Сколько уж лет прошло, а при виде мартовских проталинок я и сейчас улавливаю на пятках щекотку от той — скользковатой и колкой с неприятными — прошлогодней травки.

А что же мой сосед-ровесник? Я коснулся плеча молчуна и указал на рыжий лоскут у обочины. Водитель проводил землицу посветлевшим взглядом и сказал свое, совсем для меня неожиданное: — Зайцу хватит попас-тись.

Вот, пожалуй, и все, чем обмолвились мы с незнакомцем за долгую дорогу. Но мне почему-то показалось, что знаю этого человека давно и с самой лучшей стороны.

БАРАБАНЫ ВЕСНЫ

Мартовская заря. В морозном безветрии подремывают деревья. И вдруг оцепенелую гулку тишины прошла автоматная очередь. Она ударила четко, дерзко, и бор со вздохом очнулся, глуховато зашумел.

Найдутся ли люди, которые бы не слышали в мартовском лесу перестук невидимых барабанов? И стоит ли объяснять, что это брачные «песни» перемывавших дятлов? Стучком о сушины и карчи они громко заявляют свое

право на лесное владение и зовывают к себе подружку...

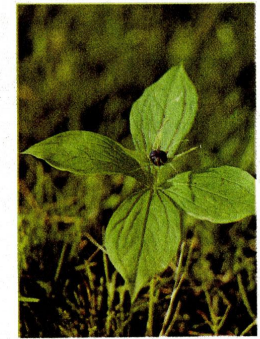
Стучат и стучат барабаны — предвестники весны. Они не обманут: еще сегодня синее от стужи крепкий мартовский наст, а завтра с юга прорвется ветер — ласковый и влажный.

КТО ВСЕХ ПЕРВЫЙ?

Хмурым мартовским днем я шел по проселочной лесной дороге. Кругом еще лежали глубокие снега: весна не торопилась. И вдруг меж комлей сосен, совсем неподалеку, я увидел чету воронов. Обычно эти лесные отшельники близко к себе не подпускают, а на этот раз они почему-то пренебрегли опасностью. Но вот птицы нехотя взлетели, и в клюве одной из них я заметил что-то белое и пу-хлое.

Подошел поближе. Только теперь на испоптанном птицами влажном снегу я обнаружил белую павшую курицу, обшипанную с одного бока. Несомненно, перья пошли на утепление воронового гнезда. И мне оставалось лишь подивиться. И тому, как вороны (на лету!) сумели под пологом сосновых крон усмотреть-уточнить «добычу», и тому, что они так рано, особенно по нашим сибирским меркам, приступают к гнездованию. А было это 14 марта — у меня точно записано.

Юрий ЧЕРНОВ
Рис. В. Прокофьева

ВОРОНИЙ ГЛАЗ

У цветка четыре внешних ланцетных околоцветника; четыре внутренних линейных околоцветника; восемь — дважды четыре — тычинок. Они игольчато утончены, вернее, являются самыми чуткими стрелками прибора. А вот его средоточие: это черно-фиолетовый пестик — у него по бокам четыре выпуклости. Над ним поднимается султанчик из четырех столбиков.

Поразительная композиционная последовательность! Один принцип выдержан во всем строении растения. Даже округлый поначалу стебель, дойдя до мутовки листьев, обретает четкую четырехгранность. Все в растении строится на подобии, аналогии. Однако эта повторяемость не монотонна — в нее внесено живое разнообразие. Обратите внимание: элементы цветка конструктивно различны, хотя и подчинены

В эстетике этого растения удивительно соединились два начала: древнее, магическое — и современное, рационально конструктивное. Вороний глаз окружен ореолом волшебных поверий. Над ним колдовали, на нем загадывали. Из его черного ока на нас глядит магическая старина. Строение цветка напоминает какой-то символ. Будто зеленый чертеж пред тобой — посвященный знает: в нем зашифрован план мира.

Но современный человек отметит в вороньем глазе другое: его предельную конструктивность. Отбросив декор, растение смело обнажает красоту функционального. Наклоняясь над вороньим глазом, я всегда переживаю странное ощущение: словно загадочный прибор в лесу установлен. А вдруг и вправду прибор? И где-нибудь в созвездии Ворона ловят сейчас сигналы зеленой антенны? Фантастика? Но ведь цветок и вправду полон тайн.

При взгляде сверху растение удивительно напоминает приборную шкалу. Выполнена она в стиле современного дизайнера: изящество и конструктивность сочетаются с некоторой парадоксальностью форм. Шкала имеет сложную систему делений, но все ее стрелки и указатели кратны числу четыре. Или перед нами ориентационная служба — шкала отражает деление горизонта на четыре стороны света; или это своеобразный часовой циферблат — всех делений в нем ровно двадцать четыре.

Разделение шкалы задается мутовкой из четырех листьев. Это замечательно симметричная структура! Она словно вписана в невидимый квадрат — листья идут точно по его диагоналям. Над мутовкой возвышается цветок. Это ажурная система стрелок, чуждо гармонической конструктивности. В цветке многократно варьируется — причем с удивительным разнообразием! — заданная мутовкой тема: все подчиняется четверной симметрии.

единому стилевому началу. Такова диалектика композиции: повторение, но с широким варьированием; единство, но при условии разнообразия; целостность, но на основе подчеркнутой самостоятельности элементов.

Вороний глаз входит в семейство лилейных. Там он соседствует с купеной, майником, ландышем, гусиным луком. Мне кажется, можно говорить об одной очень важной эстетической закономерности, общей для всех растений этого семейства: большие мастера композиции, они установили тончайшую стилевую корреляцию между своими цветами и листьями. Это блестящее обретение! У многих трав цветок является как бы независимой надстройкой к растению. Конечно, он тоже вписан в общую композицию, но его стилевые связи с целым не всегда четко проявлены. Вспомним такой факт: схожие цветы встречаются у видов, имеющих совершенно различные листовые пластинки. Значит, здесь еще не установлена тончайшая ответственность! А вот у лилейных она проявляется с безусловной полнотой и убедительностью. Они достигли высшей цельности и органичности. Вороний глаз — тому свидетельство.

Все чаще встречаюсь в лесу с проростками замечательного растения. Вот наблюдаю затаив дыхание: медленно раскрывается узкая капсула его бутона. Разве не так расходятся в сторону и защитные створки у наших межпланетных станций? Невредимым доставлен прибор на Венеру! А здесь — на Землю: но откуда, откуда? Расправляются стрелки, свершаются деления. Все в исправности: ничто не помято, не разбито. Контакты в полном порядке, внешних помех нет. И вот включается приборная установка! Может быть, она замерзает силу нашего творческого воображения?!

Ю. ЛИННИК

Вальдшнеп

Глухаринный ток, тяга вальдшнепов. Эти словесные пары неразрывны так же, как брачные ритуалы этих птиц и весна.

Классическое время тяги — неверные вечерние сумерки. Опустилось солнце за зубчатой стеной леса. Угостились последние зарюльки и дрозды. Да ко всему этому весенняя теплынь и мелкая морось. Тут-то и услышишь хорканье и цыканье вальдшнепа. Сначала услышишь, а потом уж увидишь, как средь загорающихся звезд плавно, медленно и лениво тянет вальдшнеп. Один круг над поляной, другой... И вот уже самочка подает с земли голос, подзывая избранника.

Поскольку вальдшнепы относятся к полигамным птицам, самочка строит гнездо в одиночестве. Сооружение это весьма просто — неглубокая ямка возле пня или ствола дерева, замаскированная пучком травы и выстланная сухими листьями и трухой.

Проклюнув скорлупу и обсохнув, вальдшнепята превращаются в красновато-желтые пушистые шарики и начинают бегать. Любое углубление в почве — для них спасение. В случае же крайней опасности мамаша переносит птенцов в самые недоступ-

ные дебри, были бы поблизости родничок, болотце, тихая речка. Как переносит? В лапах, конечно, но иногда и в клюве, прижимая к груди.

Скрытен и молчалив вальдшнеп. Днем забивается в валежник, а еще лучше в дупло у земли. Длинный и тонкий клюв-шильце помогает птице зондировать сырую почву, отыскивая насекомых, червей. Надо набраться сил для осеннего перелета. А улетает вальдшнеп незаметно, ночью.

До новой тяги, лесной молчун!

Среди известных, но малоизвестных представителей нашего пернатого царства вальдшнеп занимает едва ли не первое место. Немного знаем мы о его сумеречной и таинственной жизни в лесных дебрях. И немудрено — лесной кулик ведет скрытую от постороннего взгляда жизнь отшельника. Мало кому удастся проникнуть в его загадки — не дает он рассмотреть себя или открыть завесу неведомого, окутывающую поведенье вальдшнепа.

Чаще всего попадает эта птица на глаза весной, когда возвращается с юга в родные места. Вот тогда-то, в апреле, и можно подсмотреть одно из любопытных зрелищ бытия вальдшнепа — тягу. Издавна так называют токовые полеты лесного кулика, которые на протяжении долгого времени сложились в строгий, последовательный и поэтический ритуал продления рода. Птицы эти полигамы. Видимо, уж так нужно было природе, чтобы семенец, дав импульс продолжению жизни, участия в последующих заботах о потомстве не принимал. Вся энергия и любовь к своему будущему поколению проявляется у него в тяге.

Начинаясь поздно вечером, практически до утра длится волшебное представление токового ухаживания вальдшнепа. Долгоносые, глазастые кавалеры в сумерки не-

спешно облетают лесные поляны, издавая призывные звуки, напоминающие поскрипывания и цыканье. «Ци, ци», а после паузы — «хррр», «хррр», «хррр» — далеко разносятся в вечернем воздухе.

Вальдшнеп — молчаливая птица, может быть поэтому для самочки эта нежизненно звучит упоительной серенадой. Заслышав ухажера, она подпрыгивает, приглашая подсесть избранника. Подлетят одновременно два поклонника — драки избежать. Сшибаются противники, поднимаются в воздух, устраивая настоящие воздушные бои. Щиплют друг друга длинными клювами, а сцепившись, могут свалиться на землю, где продолжают потасовку. Особого вреда эти турниры птицам не причиняют. Обычно все ограничивается выщипанными перьями.

Редко кто видел, как вальдшнеп токует на земле. А делает он это так. Подлетит к избраннице, выгнет грудь колесом, растопырит хвостик и ходит вокруг нее «индюком». Бывает, на тяге летают и самки. Как правило, молча или слегка пощипывая. Наиболее благоприятные условия для продолжительных ухаживаний — теплая, слегка пасмурная погода с небольшим дождем. Такая обстановка действует на вальдшнепов умиротворяюще. Летают тогда они тихо, напоминая

большую ночную бабочку. В ветер же лет становится стремительным и «рваным», с бросками из стороны в сторону. Похолодания или резкое изменение погоды охлаждают пыл лесных отшельников. Тогда тяга может и совсем приостановиться. Много примет прихода весны можно наблюдать в апрельском лесу, но если уж слышали звуки тяги в вечернем небе, будьте уверены — весна неотвратима. Многие любители природы и стремятся попасть в лес именно в это время. Когда еще можно увидеть такое?!

Этот лесной кулик умеет отлично скрываться в чаще леса. Недругов у лесных птиц много, и самая главная их задача — выжить в нелегкой борьбе. Победителем из постоянного противоборства выходит наиболее осторожный, проворный и сильный. Лесной кулик-вальдшнеп только для непосвященного кажется слабым и беззащитным. На деле его оружие, хотя и оборонительное, достаточно эффективно. Прежде всего вальдшнеп мастер прятаться. Его оперение — настоящий маскировочный халат. Волны бурых, охристых перьев с вкраплениями черного и белого покрывают спину и крылья птицы. Пестрота размывает кулика, растворяет его очертания на фоне лесной подстилки из листьев и травы. Даже зная место,

где затаился вальдшнеп, не всегда сразу можно его разглядеть. Грудь прикрывает серая телньяшка, а подкрылья у него охристо-ржавые. Поэтому внешне залетевший вальдшнеп кажется сказочным огненным цветком.

Затаившись, птица сохраняет полную неподвижность — еще одна возможность спастись. Любой враг может пройти мимо, не обратив внимания на ворох «живых листьев». Сам же вальдшнеп замечает все. При этом ему не нужно крутить головой, чтобы вовремя заметить опасность. Он может сохранять неподвижность и видеть все вокруг. Необыкновенно красивые глаза вальдшнепа подобны везикулам. Крупными черными маслянистыми выделениями они на длинной голове. За счет того, что органы зрения отнесены необычно далеко назад, к затылку, лесной кулик может одновременно контролировать пространство впереди и за спиной. Немногих представителей животного мира природы наградила такими задатками и способностями.

Если же нависла смертельная опасность и беда неминуема, вальдшнеп пускает в дело еще одну свою способность. Оглянув недруга неожиданностью взлета, он в считанные секунды поднимается в воздух под прикрытием куста или ствола дерева. Экспериментально доказано, что для этого ему нужны считанные секунды. Мгновение — и исчезла птица, будто ее и не было. Летает же вальдшнеп мастерски, выделявая подчас в переплетениях вет-

вей сложнейшие развороты и кульбиты.

Начав говорить о различных необычных особенностях этой птицы, нельзя не сказать об ее удивительном клюве. Как и глаза, он представляет собой замечательный и совершенный инструмент. Вальдшнепы обычно кормятся в сумерках. Они бродят по мягкой лесной подстилке и выбирают личинок. Предпочтительнее отдают земляным червям. В подходящем месте вальдшнеп снова и снова запускает свой зонд-клюв в почву, ощущая при этом прилипший участок, пока не вытянет оттуда обнаруженного червяка. Клюв — настоящий живой пинцет, только очень чувствительный. На верхней его части имеется небольшая выемка, благодаря которой птица может разводить свой зонд в почве, заземляя добычу. Иногда уверяют, что вальдшнеп при поиске пищи слегка похлопывает ножкой по земле, как бы определяя, есть ли на глубине червяк или его там нет. А то стучит клювом, пытаюсь уверить добычу в том, что идет дождь, и таким образом подманить червяка поближе к поверхности.

Вообще об этой таинственной птице бытует много домыслов и легенд. Довольно долго спорили, издает ли вальдшнеп во время токового полета хоркующие звуки при помощи голоса или они возникают от трения воздуха об оперение, как это происходит у бекасов. Выяснили однако, что лесной отшельник все же пропевает свою арию.

После весенней тяги самочка забирается в укромное лесное урочище, где в

густых зарослях устраивает свое нехитрое гнездо прямо на земле. И здесь действует строгое правило — скрыть его от постороннего глаза. Любит она располагать гнездо под прикрытием старых заросших пней. Обычно вальдшнепиха-мамаша селится в зарослях ольшаника, заросшего крапивой и малиной, недалеко от ручья или на болотцах по мелким ключам и речкам. Может ей подойти и частый молодой березовый подрост, через который не протраться без шума ни четвероногому, ни двуногую недругу. Гнездо совсем простое — ямка, слегка выстланная листьями и травой. Это и понятно, ведь оно необходимо только на время насиживания кладки.

Вальдшнепы — птицы выводковые. Птенцы рождаются покрытые пухом и, обсохнув, покидают гнездо, следуя за матерью. Во время насиживания мать изредка отлучается подкрепиться утром и вечером. Оставленная кладка отлично замаскирована — все охристого цвета яйца покрыты защитными рыжими пестринами. На гнезде самка сидит очень крепко, чуть прикрыв глаза. Но не думайте, что она дремлет. Это еще одна уловка. Так птица гасит блеск своих глаз, который может выдать ее врагам и погубить будущее потомство.

Появившиеся птенцы, а их обычно бывает четыре, тоже носят пестрые мундирчики защитного цвета. Молодые растут быстро. Через три недели они могут уже перепархивать, а чуть позже и летать. Самка водит мо-

лодых до 40 дней, обучая их премудростям жизни вальдшнепов: быть осторожными, скрытными. При появлении опасности малыши мгновенно западают в листву, а мать пытается самоотверженно отвести от детей беду. Вальдшнепиха искусно разыгрывает раненую птицу, обманывая даже таких опытных врагов, как лисица и енот. Тем не менее птенцов гибнет очень много. Едва ли половина из них доживает до самостоятельной жизни.

В сентябре вальдшнепы начинают двигаться к югу. Постепенно холод и мороз сковывают землю, вот тогда-то и начинается массовый отлет птиц. В это время на опушке леса можно встретить группы пернатых, которые внезапно поднимаются из-под ваших ног. Такие скопления называются высыпками. Чаше на высыпку можно наткнуться в пасмурную погоду, когда идет мелкий дождик. Отлетающие птицы могут останавливаться на отдых в самых, казалось бы, неподходящих местах: на выпасах, огородах, кукурузных полях, посевах табака, садах. Но и здесь отшельник остается верным таинственности. Сегодня вы встретите высыпку, пришли назавтра еще разок взглянуть на чудесных птиц, а их и след простыл. Вот такое чудо обитает в наших лесах.

Вальдшнеп — искусник преподносит удивительные встречи. Однажды я проездил весь апрель в надежде услышать тягу лесного кулика. Однако мне до отчаяния не везло. Никак не удавалось найти

токующих птиц. И вот после такой неудачи в лесу, гуляя как-то вечером с собакой, я стал свидетелем того, как вальдшнеп тянул по заросшим тополем внутренним дворам домов на одной из улиц в Москве. Это было столь неожиданно, что я просто остолбенел и был готов поверить скорее в ошибку. Но именно в этот момент вальдшнеп совсем низко прошел у меня над головой и с характерным хорканьем поднялся выше многоэтажного дома. Если бы я сам не видел происшедшего, не поверил бы рассказам других людей.

Вальдшнеп с человеком уживчив, если тот не превращает жизнь птицы в сплошное мученье. Встречал я этих куликов и в других районах столицы: у кольцевой дороги, в Битцевском лесопарке, на Ленинских горах. Но человеческая назойливость не оставляет птиц в покое. Правда, скрытность вальдшнепа позволяет ему обитать еще в тех местах, где давно исчезли глухарь и тетерева.

Известен вальдшнеп и в других странах. Там он тоже пользуется уважением и репутацией скоростного летуна и таинствен-

ного обитателя лесов. Многие из вас наверняка знают длинноухих собак коккер-спаниелей. Эта порода была выведена в Англии специально для охоты на вальдшнепа. По-английски название птицы звучит как «вудкок», то есть лесной петушок. От этого и пошло название породы смелых длинноухих охотничьих собак.

Живут вальдшнепы и на Американском континенте. Особенно их много на севере США и в Канаде. Американский вальдшнеп практически не отличается от нашего. Есть лишь небольшие различия в оперении и размерах. Он несколько меньше и имеет более красное брюшко. С наступлением холодов американские вальдшнепы тоже откочевывают в южные области США.

Теперь, если из-под ваших ног когда-нибудь вертикально вверх взвывается красный сполохом длинноносая птица, вы будете больше знать об этом таинственном отшельнике и поблагодарите судьбу за неожиданную встречу.

О. МАЛОВ
Фото автора
и П. Яровицкого

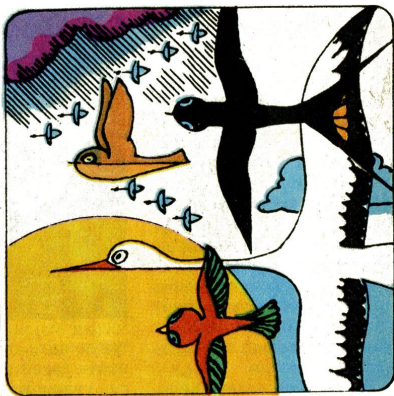
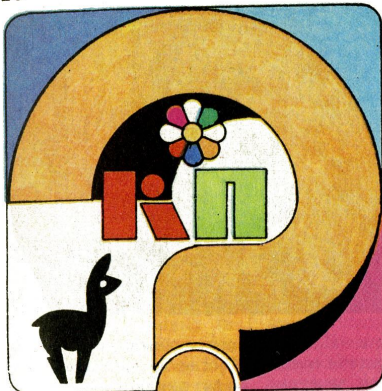

Рис. Р. Мусихиной

Дорогие Почемучки! По давней традиции Клуба мартовское заседание посвящено нашим пернатым друзьям. Ведь именно в это время надо быть готовыми к встрече первых вестников весны. За ними прилетят и остальные — ослабевшие в трудном пути из дальних мест, где они проводили зиму.

Как же встретят их в родном краю? Думаем, что с радостью и любовью. Найдут они и новый домик для постройки гнезда, и подкормку в том случае, если после весеннего потепления внезапно похолодает. Такие перепады погоды губельны для уставших птиц. Надо быть очень внимательным, чтобы вовремя прийти им на помощь.

Среди Почемучек очень много настоящих друзей птиц. Об этом свидетельствуют многочисленные письма с рассказами о том, как проводится День птиц, как ребята готовятся к встрече пернатых, следят за их жизнью в родном краю.

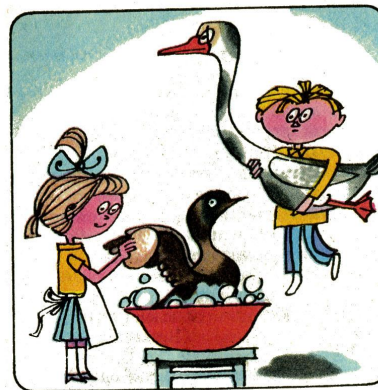
В прошлом году на августовском заседании среди наших гостей был А. А. Алексеев — руководитель кружка экологов из города Севастополя. Он рассказывал, как много делают кружковцы для улучшения экологии Крыма. Помимо этого, ребята выполняют задания кафедры зоологии Киевского университета — следят за водоплавающими птицами, прилетающими в севастопольскую бухту на зимовку. В это время здесь птицам и так трудно —

Руководитель кружка Алексей Алексеевич снова у нас в гостях.

ПТИЧЬИ ХИТРОСТИ

Собирали мы с ребятами как-то кизил под Инкерманом. В балке, по склону, попросим дубячком, есть известковое обнажение с неглубоким, но обширным гротом. Его свод и стены закопчены тысячетными кострами — когда-то тут была стоянка древнего человека. И вдруг оттуда донесся до нас характерный стук дятла. Подошли поближе. Уцепившись за неровности скалы и подперевшись хвостом, пестрый дятел как заправский каменотес долбил стену грота. На пол сыпалась известковая крошка. Видно, что-то ценное хотел он там найти. Но, ничего не добыв, перелетел на дерево — более привычный объект для дятла.

Порадовал нас своей хитростью и остроумный ворон. Как известно, ворон — птица крайне нелюдимая, селится в глухих уголках леса. Велико же было наше удивление, когда ребята показали нам прямо в городе два гнезда воронов. Они уже несколько лет живут прямо в Севастополе и выводят потомство. Я сначала не поверил сообщению: кругом асфальт, машины, стройка. Разве это обстановка для ворона?! Но, взяв бинокль, убедился, что ребята не ошибаются. Да, это вороны живут в нашем городе. Но место жительства птицы выбрали с умом. Одно гнездо находится в стеной нише невысокого каменного строения на территории, куда

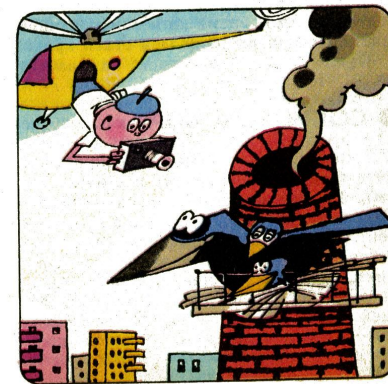
перепады температуры, мало корма. А в последние годы они еще страдают от загрязненности бухт нефтепродуктами. Ребята видели, как утки старались подплыть к мелководью, где можно найти корм, но не могли из-за масляной пленки, тянувшейся вдоль береговой линии. Птицы ослабевали от голода, от того, что их оперение пропитывалось нефтью. Юннаты нашли место, где скапливались погибавшие утки, лебеди. Они брали в руки ослабевших птиц, несли их домой, отмывали, просушивали, подкармливали и только совсем окрепших отпускали на волю.

Послушайте один из рассказов участника этого кружка — Юрия Чкиря.

КАК ЩЕГЛЫ ГНЕЗДО СТРОЯТ

Сначала они выбирают подходящее место. Держа тополиный пух в клювах, перелетают с дерева на дерево и внимательно все осматривают. Найдя удобное место, самочка обматывает пухом веточку ближе к стволу или на развилке. Затем продевает через этот пух стебелек, травинку, которой снова обматывает веточку. Таким образом идет наращивание гнезда. Через пять дней гнездо похоже на сито. Самка закладывает все дырочки тополиным пухом и сухими травинками. Гнездо готово, можно и яйца отложить.

Иногда птицы обходятся и без пуха, одними сухими стебельками. Тогда гнездо напоминает решето. А в одном щеглином гнезде в качестве строительного материала была использована рыба кость.

проход закрыт. Воронов там никто не тревожит. Другое — располагается на балкончике, опоясывающем макушку высоченной трубы котельной установки. Под трубой мы нашли множество рыбьих костей и чешуи, а также шерсть и мелкие кости мышевидных грызунов. Значит, и здесь ворон выполняет роль санитаря.

А еще мы наблюдали, как лакомятся грецкими орехами серые вороны. Грецкий орех у нас растет всюду — на городских аллеях, в лесных культурах, на дачных участках. Осенью вороны устремятся к этим деревьям. Найдя орех, ворона летит с ним к ближайшему камню или на асфальтированную площадку. Положив орех на камень и прижав лапой, она несколькими ударами клюва раскалывает его и начинает трапезу. А вот грач, хоть и любит грецкие орехи не меньше вороны, обращается с ними очень неумело. Он кладет орех куда попало, иногда прямо на землю. Долго ему приходится долбить — земля-то амортизирует! Интересно, научится ли когда-нибудь грач вороньему методу? А может быть, где-нибудь грачи уже так делают?

Почемучка из города Канева обнаружил в природе восемь колоний грачей, в которых насчитал 82 гнезда. Он предполагает, что сведения не окончательные, они могут еще дополниться. Юный орнитолог проводит наблюдения и за другими птицами. Пишет нам о своих необыкновенных встречах. Он несколько раз видел редкого орлана-белохвоста, а в начале января, когда морозы были 12—13 градусов, встретил несколько зарянок. И почти в это же самое время на незамерзающей части Днепра наблюдал за стаями кракв.

Один из его рассказов называется

В СОСНОВОМ БОРУ

В прошлом году я внимательно изучил пять гнезд певчего дрозда и столько же зяблика. Все они были в сосновом бору. Основа гнезда певчего дрозда всегда состоит из травы и многочисленных мелких веточек. Иногда с добавками мха, лишайника, сосновых иголок, кусочков коры. Лоток — из древесной трухи, образующей корку. В качестве строительного материала иногда служат крупные щепки, растительный пух. Выстилки в лотке нет.

Гнездо зяблика состоит из травы, мхов, лишайников, сосновой хвои, обрывков корешков. Все это скрепляется снаружи пухом. В лотке — мох и перья.

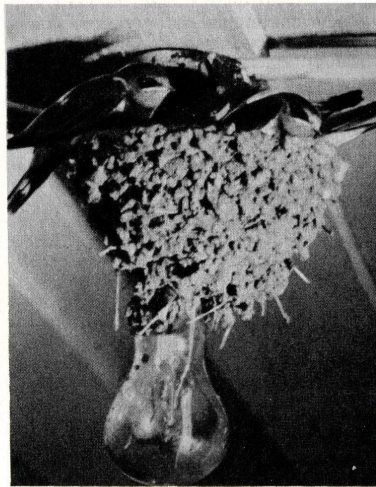
Певчий дрозд обычно строит гнездо вплотную к стволу — ему нужна прочная основа. Зяблик же может поселиться и в вертикальной развилке дерева, то есть вплотную к стволу или на расстоянии от него — в горизонтальных развилках веток. Свои наблюдения продолжу в этом году.

Максим ГАВРИЛЮК,
Черкасская область

Ф. И. Крутыпорох из города Белая Церковь прислал нам интересную фотографию. На ней изображено гнездо ласточки, которое они смастерили в самом необычном месте. Впрочем, смотрите сами и читайте рассказ Федора Ивановича.

ВСЕМ МИРОМ

Случай, о котором я хочу рассказать, произошел весной в Аскании-Нова. Во дворе нашего дома есть летняя кухня, двери которой всегда распахнуты. Этим и воспользовались ласточки. Они непрерывно порхали внутрь помещения, выбирая подходящее место для строительства гнезда. Поначалу никто на них не об-

ращал внимания. Потом я как-то взглянул на электрическую лампочку и увидел на проводе, поверх колпачка, земляной нарост.

Ласточки трудились не покладая крыльев. Когда гнездо было уже наполовину готово, оно неожиданно отвалилось и упало на пол.

Трудно сказать, когда отдыхали эти крохи. Они продолжали носить комочки грязи, которые лепили к прежнему месту, тщательно придавливая их клювом. Но опора оказалась слишком гладкой, грязь соскальзывала вниз, гнездо рассыпалось.

Три дня трудились ласточки. Гнездо как и прежде разрушалось. Заметались белогрудые возле кухни и как черные молнии стремительно стали летать взад и вперед, чиркая быстрыми крыльями воздух, оглашая двор писком.

На четвертый день утром они куда-то исчезли, а через три часа в нашем дворе поднялся такой шум, словно все ласточки мира собрались вокруг нашей летней кухни. Они пикировали на строящееся гнездо, прикрепляя комочки грязи, и опять стремительно поднимались за очередной порцией строительного материала.

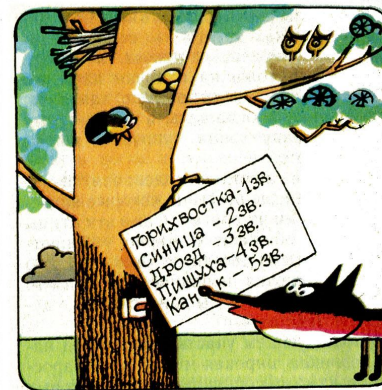
Затаив дыхание, я ждал окончания работ этой шумной компании. Быстро они были завершены, а вся стая ласточек со звонким веселым пением, окружив немалого над двором, села на бельевой шнур. Птицы облепили его и запели гимн в честь коллективного труда. Какая же это была радостная песня!

Наша пара ласточек вернулась к построенному гнезду, вывела там своих птенцов. А гнездо, которое вы видите на фотографии, служило им долго и надежно.

Городские ребята часто жалуются в письмах, что лишены возможности общаться с природой, мол, наблюдать не за кем. Но как часто они ошибаются. Стоит только внимательно осмотреться, как вдруг делаешь для себя открытие — городские парки, скверы, школьные участки и дворы около домов полны жизнью! Именно такое открытие сделал для себя наш Почемучка из Татарии.

МОИ СОСЕДИ

В нашем городе появились различные птицы. Скорее всего они и раньше были, да только я их не замечал. А тут вдруг

вышел на улицу и слышу: «Фюить-ти-фюить». Огляделся вокруг и увидел на дереве птичку с серой головой, черной грудкой и рыжеватым хвостиком. Это была садовая горихвостка-лысушка. Значит, будет гнездиться где-то поблизости. Так и случилось. Летом я несколько раз встречался с горихвостками в школьном дворе и в других местах.

Еще я видел на улицах города зябликов, серую славку. А осенью — поползней, большого пестрого дятла.

Рафик ГАЛИУЛЛИН,
г. Бугульма

В начале зимы и перед весной в Подмосковье можно увидеть пуночек. Прилетают они со своей ходоны — побережья Северного Ледовитого океана, с Новой Земли. Там они проводят все лето, выводят и выращивают птенцов. А у нас они кочуют. Летают стайками по дорогам вокруг селений, отчего их называют еще снежными подорожниками. На зиму же птицы улетают южнее.

О встрече с пуночками рассказывает доктор геолого-минералогических наук Владимир Александрович Николаев. Но произошла она в другом месте.

БЕЛЫЕ ПУНОЧКИ И ЧЕРНЫЕ ЖАВОРОНКИ

В прекрасное зимнее утро ехали мы на лошади к станции Пресновская, что нахо-

дится в Северном Казахстане. На отдельных участках дороги нас сопровождали стайки небольших птичек. В полете они были похожи на комочки ваты, но когда садились, можно было заметить, что их спинки окрашены в черно-бурый цвет. Я сразу узнал пуночек — наших зимних гостей.

Любимые места гнездования пуночек — каменные россыпи, которые недоступны многим их врагам. Сами эти птицы никого не обижают и мирно уживаются с пернатыми соседями. Свою простую песенку пуночка исполняет с каким-то особым чувством, я бы даже сказал, с душевной теплотой.

На следующем участке пути перед нами возникла широкая межа, густо заросшая высокими сорняками, среди которых мелькали какие-то черные точки. Подъехав поближе, увидели довольно большие стайки пернатых, очень похожих на местных жаворонков, но отличающихся от них окраской. Грудка и нижняя часть шейки у птичек были черные, крылья темно-бурые, а рыжеватый хвостик постоянно вздрагивал. Раньше здесь я их никогда не видел. Это, оказывается, были черные жаворонки.

Они совершают миграции, противоположные тем, которые свойственны пуночкам. Гнездятся гораздо южнее — в жарких степях Центрального Казахстана, а на зимовку летят в Ишимскую лесостепь. И тоже, оказывается, не просто так. Дело в том, что зимой они питаются семенами различных сорных растений, которые в большом количестве произрастают в более увлажненных северных районах. Природа обучила всех своих детей премудрости!

Дорогие Почемучки! Проверьте, пожалуйста, в каком состоянии находятся птичьи домики, изготовленные вами в прошлом году. Если они разрушены и не могут быть использованы пернатыми, обязательно подремонтируйте или смастерите новые, умело их развесьте. В них обязательно кто-нибудь поселится. И особенно не огорчайтесь, если этим жильцом окажется не скворец, а хотя бы тот же воробей или вот такой квартирант, о котором рассказывает Николай Егорович Яковлев из города Свердловска. Ведь в конце концов дом нужен каждому живому существу!

НЕЖДАННЫЕ ЖИЛЬЦЫ

Под осень мы с сыном соорудили у себя в саду добротный скворечник и укрепили его на высокой жерди.

Желающие поселиться в домике объявились ранней весной. Ими оказались полевые воробьи. Они не уставали суетиться около облюбованного жилья.

Только не суждено было воробьям здесь остаться. Прилетели скворцы и бесцеремонно их выселили. Не будет же воробей бороться со скворцом. У того один клюв чего стоит!

Новые жильцы времени зря не теряли. Они усердно строили гнездо, собирая на земле сухие травинки и оброненные птицами перышки.

При очередном посещении сада я не увидел птиц около нашего скворечника, но это меня нисколько не встревожило. Подумал, что самка уже насиживает яйца, а ее преданный супруг улетел куда-то подальше, чтобы подыскать для нее что-нибудь вкусное.

Прошло еще несколько дней. Скворечник по-прежнему выглядел необитаемым, и я уже заподозрил, что скворцы покинули его. Загадочность случившегося еще более усилилась, когда среди кустиков земляники я обнаружил голубые скорлупки скворчиных яиц. Значит, гнездо разорено. Но кем?

А тут сверху совсем близко раздалось унылое: «Кяй-кяй-кяй». Так кричит самец вертишейки. Я оглянулся и все понял. Вертишейка выглядывала из нашего скворечника!

Будучи ближайшей родственницей дятлов, она нисколько на них непохожа ни внешним видом, ни поведением. Одета в коричневато-серое оперение, вертишейка старается быть незаметной. Зиму проводит в Африке и возвращается на родину в апреле. Гнездиться любит в дуплах, но из-за небольшого и слабого клюва сама обустроиться не может. Если не удается найти готового свободного дупла, захватывает уже занятое жилище. Делает это самец. Он терпеливо поджидает, когда птица, насиживающая яйца, хотя бы на минуту покинет гнездо, чтобы тут же проникнуть в него самому. При возвращении хозяев перед ними разыгрывается ужасное представление. Вертишейка, вытягивая и изгибая шею, издает отчетливо слышное «змеиное» шипение. Напу-

ганные птицы в панике покидают гнездо, чтобы больше к нему никогда не возвращаться. А новый владелец высовывается наружу и заводит свое призывное «кяй-кяй-кяй», предназначенное для избранницы. Так был захвачен вертишейками и наш скворечник.

Когда у них появилось потомство, я иногда в отсутствие родителей стучал по жерди, на которой был укреплен скворечник, и в ответ слышал дружное шипение. Это юные вертишейки демонстрировали свои способности самостоятельно защищаться от возможных врагов. Как-то раз на мой стук ответа не последовало. Подросшие птенцы покинули скворечник, чтобы начать кочевую жизнь в лесу.

А это сообщение будет особенно интересным для Почемучек, интересующихся палеонтологией. Заметка взята из иностранного журнала и переведена для Клуба Борисом Исааковичем Силкиным.

ПРОПАВШИЕ «ГУСИ-ЛЕБЕДИ»

Более ста лет прошло с тех пор, как жители Сицилии и Мальты впервые сообщили миру, что они временами находят в земле кости каких-то странных птиц. И только недавно их изучила палеозоолог из Кембриджского университета (Англия). Она установила, что это неизвестный науке вид карликового «гусе-лебедя», получивший наименование цигнус эквитум. Птица населяла берега Центрального Средиземноморья примерно 125 тысяч лет назад.

Это было плотно сложенное пернатое небольшого роста. В его черепе глубокая бороздка, вмещавшая в себя соляную железу, что указывает на приморский образ жизни, вероятнее всего — вблизи речных устьев. Клюв у птиц сходен с лебединым. Можно предполагать, что она обладала «утиной» способностью глубоко погружать голову в воду, задирая хвостовую часть тела.

Размеры костей крыла свидетельствуют о достаточно мощных мускулах «гусе-лебедя», что позволяло ему взлетать прямо с земли, без разбега, как это свойственно гусям. Хотя общие черты тела и размеры птицы подобны небольшому лебедю, крылья скорее напоминают гусиные. Их размах, составлявший около полутора метров, делает цигнуса эквитума

наименьшим среди всех известных науке лебедей.

Ученый полагает, что эти древние птицы могли исчезнуть, во-первых, из-за тектонических нарушений, приведших к затоплению суши между Сицилией и Мальтой. Во-вторых, этому могли способствовать очень интенсивные осадки, вызвавшие эрозию холмистой области, где гнездились «гуси-лебеди».

И, как всегда, вопрос. Чем отличается крыло летучей мыши от крыла птицы?

Татьяна ЯГОВИТИНА,
г. Свердловск

В конце сегодняшнего заседания предлагаем вам фотогадку Р. Воронова.

Что общего между этим растением и известной птицей? Как оно называется, где растет, что вы о нем знаете?

До встречи в апреле!

Главный Почемучка

АМБИОРТУС

Участники двух международных конференций, недавно проходивших в ФРГ и во Франции и посвященных, в частности, проблеме происхождения птиц, пришли к почти единодушному мнению. Археоптерикса нельзя считать прямым предком птиц. Такой вывод ученые смогли сделать после того, как был открыт амбиортус. Новейший международный «Толковый словарь птиц», изданный в Англии, уже закрепляет такую трактовку археоптерикса. По оценкам ведущих современных палеоорнитологов, описание амбиортуса можно считать крупнейшим событием в изучении истории птиц за последние десятилетия.

Кто такой верхнеюрский археоптерикс, знает школьник старших классов. Но вот об амбиортусе слышали немногие. Это — «новая» нижнемеловая птица. Она была найдена в конце семидесятых годов в Монголии участниками советско-монгольской палеонтологической экспедиции. Почти в центре страны у большого озера Бон-Цаган-Нур во многих местах выходят на поверхность отложения огромных мелководных раннемеловых озер, существовавших 130—110 миллионов лет назад. Тонкий ил водоемов за миллионы лет спрессовался в слоистые сланцы. А между ними, как между страницами книги, сохранились отпечатки стеблей водных растений, мелких рыбок ликоптер и тысячи остатков насекомых, живших в те далекие времена. Не везде в Монголии, где есть нижнемеловые отложения, можно

найти, как говорят палеонтологи и геологи, ископаемую фауну.

Для этой экспедиции как раз счастливо сложилось множество определенных условий, и в одном месте удалось накопить достаточно материалов. Недалеко от колдца Хурилт-Улан-Булак в горах Монгольского Алтая вместе с насекомыми и рыбами были найдены отпечатки птичьих перьев и несколько сланцевых плиток с кусочками тонких костей какого-то позвоночного животного.

Собранный материал привезли в Москву. Ко мне попало шесть маленьких обломков сланца, из которых кое-где выступали кости. Часть из них явно исчезла еще на месте, другие рассыпались в прах. Из оставшихся косточек надо было сначала очистить от породы хотя бы одну.

Наученный многими разочарованиями,

Третий (максбергский) экземпляр археоптерикса. Найден в 1955 и описан в 1959 году. Отчетливо видны отпечатки перьев.

я не спешил с ответом на вопрос: «Что же это все-таки такое?» Уже много раз мне приходилось сталкиваться с остатками мелких древних позвоночных, казавшихся с первого взгляда кандидатами в птицы. Но после препарирования они оказывались мелкими динозаврами или летающими ящерами.

В 1977 году мне привезли сразу два образца. Один из них — более сохранившийся — был с отдельными косточками, окруженными отпечатками перьев, очень напоминавших птичьих. Поэтому сначала я засел за препарирование этого экземпляра.

Перья-то перья, но вот кости какие-то странные. Слишком длинные и тонкие для птиц с маленькими головками. Месяцев через пять работы иглой, микроскальпелем и клеевым раствором под биноклярным микроскопом на одном ровном участке плитки неожиданно показали странные костяные пластинки. А потом по краю одной из них обнаружили мелкие зубки и обрисовались ажурные плоские фрагменты черепа. Тогда стало ясно, что этот отпечаток принадлежит крошечному, размером с синицу, птерозавру.

А что значат перья вокруг? При внимательном исследовании они оказались вовсе не перьями, а непонятной волокнистой органической массой. Может быть, остатки мягких тканей того же птерозавра или его возможный волосяной покров. Нашлись и отпечатки двух настоящих птичьих перьев, которые лежали в нескольких сантиметрах в стороне на той же поверхности. Видимо, они попали на дно древнего озера рядом с птерозавром.

Затем я принялся за второй экземпляр. Сначала до костей нельзя было дотронуться. Совершенно кристаллизованные и потрескавшиеся, они рассыпались на крупинки при малейшем прикосновении. Пришлось поливать их каплями специального жидкого клея. Постепенно кости впитывали клей и становились прочнее. Отдельные обломки сланца удалось даже склеить в одну плитку. К сожалению, часть костей выкрошилась еще в поле. Началась долгая очистка от породы оставшихся фрагментов. Слой за слоем (пропитка — слой, пропитка — еще

слой) под бинокляром снимался окаменевший древний ил. И так — почти полтора года.

Постепенно приходило убеждение, что в руках — действительно остатки пернатого. Открылся настоящий птичий плечевой пояс: коракоид, лопатка и вилочка. Появилась прежде совершенно скрытая породой пряжка — карпометакарпус — характернейшая кость конца крыла настоящих птиц. А вот и плечевая кость. Объявилась грудина с основанием обломанного киля. На отдельной плиточке выявился конец крыла с отпечатками оснований маховых перьев и тремя пальцами, каждый из которых заканчивался коготком. Когти бывают на двух пальцах крыла у утиных, хищных и некоторых других современных птиц. Но сразу на всех трех пальцах — ни у кого не встретишь, кроме африканского страуса.

Череп не было. Задние конечности тоже отсутствовали. Но сохранилась почти вся остальная часть скелета. Отдельные его фрагменты указывали на очень древний и примитивный облик ископаемого пернатого. Имея некоторое сходство с нынешними пернатыми, каждая кость этой птицы имела необычные особенности, характерные для современных тинаму и страусов.

В горизонтах нижнего мела, образовавшихся между 130 и 115 миллионами лет, птиц прежде не находили. Из позднее отложившихся слоев этой эпохи описывались четыре фрагмента костей, найденных на территории Франции и Англии. Но что можно сказать по отдельным изолированным косточкам? Не так много. Некоторые ученые не верили, что они вообще принадлежат птицам. А от рассматриваемого нами частичного скелета можно было получить уже больше информации. К тому же он принадлежал более древнему существу.

Птица из Хурилта была описана в 1982 году под родовым названием Амбиортус. В свободном переводе с латинского языка оно означает: «сидящий одновременно на двух стульях». А видовое название он получил в честь моего учителя, выдающегося зоолога Георгия Петровича Деметьева. Амбиортус как бы связывает древнейших и современных птиц.

Осенью 1977 года газета «Вечерняя Москва» опубликовала маленькую анонимную заметку, где сообщалось о найденном в Монголии «археоптериксе воз-

Остатки амбиортуса из нижнемеловых отложений Монголии. Хорошо видны позвоночник, лопатка, кораконд, плечевая кость и другие.

растом 100 миллионов лет». Все знают археоптерикса. Наверное, поэтому такую древность автору казалось естественным так и называть. В действительности, как можно теперь видеть, она оказалась самой настоящей птицей.

Верхнеюрский археоптерикс долгое время считался прямым предком птиц. Но между ним и последней находкой лежал огромный интервал в 70—80 миллионов лет. Что происходило с пернатыми в этом интервале? Неужели они оставались так долго на уровне археоптерикса? Или, наоборот, эволюционировали в различных направлениях, уже будучи сформированным классом птиц, и сведения о них просто отсутствуют в палеонтологической летописи? Уже давно отдельные ученые сомневались в том, что археоптерикс мог быть прямым предком современных пернатых. Но никаких фактов в их руках не было.

Амбиортуса от археоптерикса отделяют уже только 15—30 миллионов лет. Однако амбиортуса хотя и важная, но все-таки единичная находка. Она могла оказаться случайной, или была допущена

ошибка в определении возраста отложений. К счастью, долго оставаться в одиночестве амбиортусу не пришлось. Вскоре появились материалы о находках даже более древних птиц из других стран. Они подтверждали, что 140—100 миллионов лет назад крылатые и оперенные создания были широко распространены по всему миру.

Так, спустя некоторое время поступили сведения из Китая о птице ганьсюс такого же возраста, что и амбиортуса, или даже более древней. Из Австралии, Англии, Румынии, у нас — из Узбекистана, нижнемеловые пернатые стали известны по отдельным костям. Много отпечатков перьев найдено в девяти местонахождениях Монголии, в шести — Испании. Известны они из Ливана, СССР и Австралии. Описаны следы таких птиц из Канады. И совсем свежие факты. В 1987 и 1988 годах в Испании были опубликованы сообщения о находках довольно полных скелетов маленьких птиц (один из них с хорошими отпечатками перьев крыла и покровного оперения туловища) из отложений самого раннего нижнего мела возрастом 135—140 миллионов лет. Это значит, что между археоптериксом и настоящими птицами просто не могло быть других пернатых. Теперь кости настоящих птиц и археоптерикса найдены уже вместе в юрско-меловых отложениях Румынии.

Так птица или не птица археоптерикс? Мнения ученых разделились. Одни доказывают, что это — птица, раз покрыта перьями, и поэтому является прямым предком всех последующих пернатых. Но теперь стало известно, что были и динозавры с перьями. Например, авимимус из верхнего мела Монголии, который в родоначальники птиц уж совсем не годится. Другие относят археоптерикса только к рептилиям, ссылаясь на строение скелета. Вопрос о том, птица или рептилия археоптерикс, мне кажется, не играет принципиальной роли. Его значение как боковой ветви в эволюции рептилий на пути к птицам даже повышается в общебиологическом плане. Археоптерикс великолепно подтверждает, что «попытки» перехода из рептилий в птиц происходили неоднократно в истории на параллельных эволюционных дорогах. Оперенные динозавры — подобный, но безуспешный случай. Были и другие.

И вдруг весь мир облетела сенсация: археоптерикс — подделка!

Эта «новость», провозглашаемая не впервые, на этот раз была обнародована группой английских астрофизиков во главе с профессором Фредом Хойлом, лауреатом Нобелевской премии. Они доказывают, что оперение археоптерикса еще в прошлом веке было искусственно отпечатано мошенниками вокруг скелета натуральной ископаемой рептилии из юрского местонахождения Зольнгофен в Баварии.

А как быть с так называемым максберским — третьим экземпляром археоптерикса (всего их сейчас известно 6)? Ведь он найден уже в 1955 году, и у него отчетливо видны маховые перья крыла.

Английские палеонтологи выступили в научной печати с аргументированными возражениями против такой фальсификации. «Противники» и «защитники» археоптерикса встретились в Британском музее естественной истории в открытой дискуссии. Но стороны не убедили друг друга.

— Ну и что? Подделка или натура, какое это имеет значение? — скажет кто-то. — Чисто палеонтологический вопрос.

Однако основы этого спора лежат гораздо глубже, чем простой поиск истинности факта в палеонтологии.

Дело в том, что Ф. Хойл — активный сторонник концепции об эволюции жизни на Земле под воздействием периодических заносов вирусов из Космоса и управ-

ления жизнью Вселенским Разумом. По его гипотезе, заносимые из Космоса вирусы время от времени приводили к генетическим революциям — «взрывам» на Земле. Вселенский же Разум управляет всей Вселенной. В теории органической эволюции движущими силами являются естественные биологические силы, среди которых одна из основных — естественный отбор. Археоптерикс — один из представителей эволюционного развития класса рептилий. Его переходность заключается в контрастном сочетании признаков строения рептилий (скелет) и птиц (оперение). А сторонникам веры во Вселенский Разум надо во что бы то ни стало доказать, что археоптерикса как переходной формы не существовало. Ведь в умах большинства образованных людей на Земле он — самая яркая иллюстрация верности эволюционного развития органического мира.

Вот так роль и значение археоптерикса опять становятся решающими, но уже не только в биологической науке, но и в сфере борьбы идей о сущности всего живого во Вселенной, понимания уникальности и хрупкости жизни на нашей планете.

Е. КУРОЧКИН,

кандидат биологических наук
Фото автора

Аникин В. В. **Твои пернатые.** — М.: Мол. гвардия, 1979. — 143 с.: ил. — (Мир твоих увлечений).

Содержание в домашних условиях канареек, ткачиков, попугаев и др. экзотических птиц.

Беме Л. Б. **Жизнь птиц у нас дома.** — 3-е изд. — М.: Лесн. пром-сть, 1986. — 150 с.: ил. — (Библио. сер.)

Вегер З. **Разведение волнистых попугайчиков:** — Пер. с чеш. — М.: Лесн. пром-сть, 1987. — 171 с.: ил.

Жердев Э. С. **Пернатая радуга:** Астрыльды, амандины, амаранты, мунии, рисовки: Справ. пособие для любителей птиц. — М.:

Лесн. пром-сть, 1988. — 292 с.: ил.

Кузьмин Н. Ф., Рыбанин А. И. **Певчие и декоративные птицы:** Содерж. и разведение. — 2-е изд., перераб. — М.: Лесн. пром-сть, 1984. — 158 с.: ил.

Лукина Е. В. **Певчие, цветные и декоративные канарейки.** — 3-е изд. — М.: Лесн. пром-сть, 1987. — 144 с.: ил.

Морозов В. И., Остапен-

ко В. А. **Ткачики.** — М.: Лесн. пром-сть, 1988. — 142 с.: ил.

О птицах семейства ткачиковых.

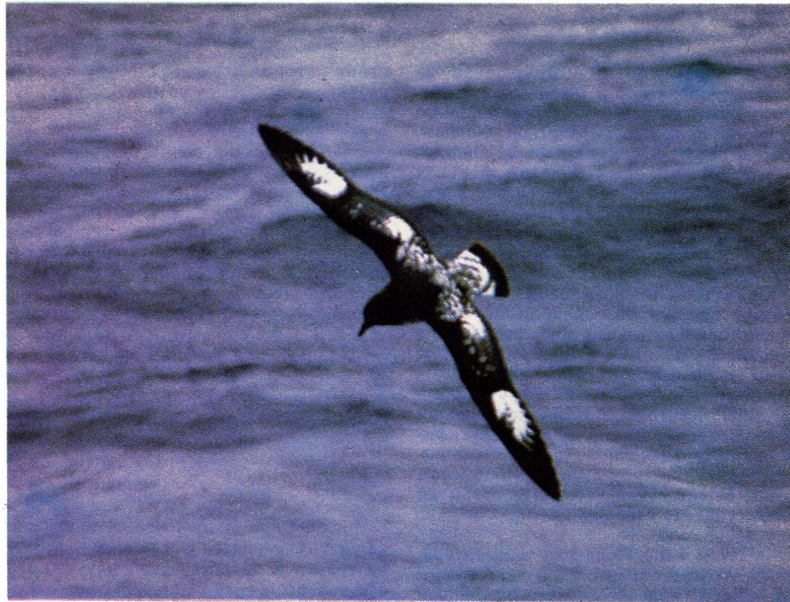
Рахманов А. И. **Попугаи.** — М.: Лесн. пром-сть, 1983. — 87 с.: ил.

Содержание в неволе.

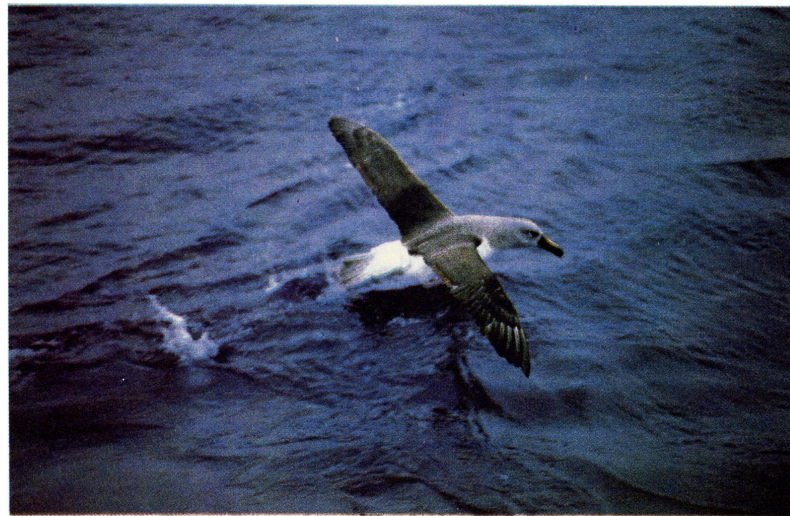
Уханин Н. Р. **Друзьям птиц.** — М.: Дет. лит., 1976. — 176 с.: ил. — (Б-чка пионера «Знай и умей»).

Содержание в домашних условиях дубоносов, снегирей, щуров, клестов.

Чернушин П. В., Дорофеев А. М. **Попугай у нас дома:** Содерж. и разведение. — Минск: Полюмя, 1986. — 141 с.: ил.

ЖИВЫЕ ПЛАНЕРЫ

Альбатросы, буревестники, качурки — эти и многие другие морские птицы объединяются учеными в небольшой, но четко очерченный отряд трубконосых. Название получено птицами за характерный, общий для всех представителей отряда признак: ноздри у них заключены в роговые трубочки. В отряд входят около 120 видов пернатых, принадлежащих четырем семействам. За миллионы лет освоения открытого океана у трубконосых развились удивительные приспособления, в первую очередь — планирующий полет. Наблюдать за альбатросами, стремительно рассекающими воздух за бортом судна, очень интересно. При этом они практически не двигают крыльями. Живой планер использует отраженную от волн силу ветра. Такой способ парения называется динамическим. Он отличается от статического, когда подъемной силой птицам (грифам, аистам и другим) служат восходящие от земли потоки теплого воздуха. Но не все представители отряда могут летать так красиво, как альбатросы. Мелкие трубконосы — качурки, тайфунники, океанники — при этом часто взмахивают крыльями, а парение применяют только на небольших дистанциях или при сильном ветре.

Значительно отличается от прочих трубконосых полет ныряющих буревестников — небольших плотных птичек, обитающих в субантарктических

Капский глубоководный альбатрос (фото сверху).

Сероголовый альбатрос.

водах Южного океана. Они — единственные из отряда трубконосых, кто приспособился активно и подолгу плавать под водой при помощи крыльев. В воздухе же ныряющие буревестники неповоротливы, летают по прямой, быстро трепеща крыльями. В ночное время и в туманную погоду на палубу нашего корабля часто садилась эти птицы. Они были не в состоянии уйти от света прожекторов и бились о мачту и переборки. Ныряющие буревестники очень похожи на мелких чистиковых птиц — когюг, люриков, стариков, в больших количествах встречающихся на птичьих базарах Севера и Дальнего Востока нашей страны.

Интересной особенностью трубконосых птиц является усиленное развитие и сложное строение обонятельных полостей. В настоящий момент существуют две гипотезы, объясняющие их предназначение. Согласно первой, обоняние помогает этим птицам не столько обнаруживать корм, как это делают млекопитающие, сколько ориентироваться в бескрайних просторах океана и находить землю. Более того, они находят именно те острова, где родились и где должны вывести свое потомство. Проблема ориентации стоит перед птицами достаточно остро. Часто единственные надежные «путеводители» — солнце и звезды — закрыты плотными облаками, причем плохая погода со шквальным ветром или непроглядным туманом может стоять неделями над значительной акваторией.

Вторая гипотеза объясняет способность птиц чудесным образом распознавать отраженные от волн потоки воздуха, их скорость и силу. Основана она на простом приспособлении, называемом в физике «трубками Пито» и используемом в авиации. Измерение разницы давлений в двух перпендикулярно расположенных трубках (у трубконосых это ротовая и носовая полости) позволяет очень точно определить скорость ветра. Обе эти гипотезы не исключают друг друга и вполне могут уживаться вместе. Но существуют ли эти функции обонятельного аппарата у реальных птиц — до сих пор неизвестно.

Отличные летуны, все трубконосые птицы проводят в море большую часть жизни. С суши они связаны только в период размножения. Все остальное время это жители бескрайних просторов океана. Тысячи километров пролетают птицы над водой, совершая удивительные по своей дальности путешествия. Например, тонкокловый буревестник, гнездящийся близ Австралии и Тасмании, во время кочевок долетает до Камчатки и даже острова Врангеля. Способность к миграциям на большие расстояния позволила этим птицам кочевать очень широко, освоив уединенные океанические острова. В настоящее время большинство трубконосых — жители Южного полушария. Только единицы достигают северных полярных районов.

В водах Советского Союза гнездится всего пять видов трубконосых и

еще 13 видов отмечены как залетные. Удивительны палеонтологические данные этих птиц. Костные остатки первых трубконосых известны из меловых отложений Северной Америки, а находки чуть более позднего времени отмечались и у нас в Средней Азии. Вопрос о том, где возникла эта необычная группа пернатых, какими путями шло ее развитие, требует еще своего изучения.

Трубконосые во время гнездования живут колониями. Пары создают на один год или несколько лет. У крупных видов партнер сменяется только в случае гибели одного из членов пары. Далекие необитаемые острова, недоступные скалы, поднимающиеся из моря у материковых побережий, дают приют колониям трубконосых. Отсутствие хищников в местах их гнездования играет очень важную роль. Неотразимые в полете и хорошо плавающие птицы с трудом передвигаются по суше. Особенности строения задних конечностей, снабженных перепонкой, позволяют птицам только неуклюже ковылять, переваливаясь с боку на бок.

В гнездовой период на далекие океанические острова слетаются сотни тысяч трубконосых птиц. Около одного из таких островов наше судно стояло несколько дней. Остров Южная Георгия поражает взгляд человека, увидевшего его впервые. Огромная цепь заснеженных вершин, вздымающихся из темно-синей пучины океана более чем на три тысячи метров, сползающие по разломам потоки голубого льда и огромные глыбы

айсбергов — такое видение предстало перед нами после долгих недель планирования, однообразного пейзажа, штормов и качки. Но эта затерянная и суровая земля южных широт, источающая дыхание Антарктики, дает возможность жить огромному числу птиц и зверей. Морские слоны и южные коттики, пингвины, бакланы, многие трубконосые выводят на острове свое потомство. Богатый пищей океан способен прокормить миллионы животных.

На острове есть научная станция по изучению образа жизни антарктических птиц, где работают английские орнитологи. Применяя современную аппаратуру, ученые наблюдают за птицами днем и ночью. Для этого на них вешают компактные радиопередатчики, метят их цветными кольцами и отпускают. Затем с помощью мощной приемной станции ведут круглосуточное наблюдение за каждой помеченной птицей. Такой способ изучения помогает ученым узнать много нового из жизни трубконосых. Например, установить, как далеко улетают родители от островов во время гнездования, сколько времени они проводят в полете, а сколько кормятся, плаывая на воде, в какое время суток птицы кормятся наиболее активно. Вот данные о чернобровом альбатросе. Радиус полетов родителей доходит до тысячи километров. Около гнезда птицы появляются раз в трое-четверо суток. Три четверти времени они проводят в полете и только ночью, когда к поверхности океана всплывает их

основной корм — кальмары, альбатросы садятся на воду. Подробные описания образа жизни большинства видов трубконосых опубликованы в специальных орнитологических журналах.

Другая проблема, которой очень продуктивно занимаются англичане, — изучение качественного и количественного состава корма. Кальмары, рыба, криль встречаются в пище у разных видов трубконосых в разных количествах. После того, как человек в значительной степени подорвал природные богатства в морях и океанах Северного полушария, он стал осваивать Южный океан, где пока еще есть запасы криля и рыбы. Но если мы так же бездумно будем использовать ресурсы океана и на юге, то скоро и там численность дельфинов, китов, тюленей и птиц станет катастрофически снижаться из-за нехватки корма. Поэтому необходимы очень подробные сведения о всех звеньях этой сложной природной системы: планктон — рыба — птицы — млекопитающие.

За бортом шумят волны. Ровной чертой горизонт отделяет водный океан от воздушного. И только птицы, как и миллионы лет назад, продолжают свой полет, растворяясь вдали. Моряки говорят, что в альбатросов вселяются души погибших. Но мне показалось, что они несут на своих крыльях жизнь — дыхание далекой земли, которой так не хватает в море.

А. СОКОЛОВ
Фото автора

СОВА-БОЛЬШАЯ ГОЛОВА

Был на Руси крестьянский праздник. Назывался Сороки — в память сорока христианских мучеников. Отмечался он 9 марта по старому стилю.

Встречали в этот день весну. Пекли печенья в виде жаворонков. Забирались на крыши изб и пели: «Уж вы жаворонки, жавороночки, прилетите вы к нам, принесите вы нам лето теплое, весну красную!»

Пели небыстро, мелодично, четко донося каждое слово: «Коровки ревут — на волю хотят, лошадки идут — они травки ждут, свинки хрючат — корешков хотят, овечки кричат — они травки хотят, шелковой травы, ключевой воды».

После пения головки «птичек» отрывали и натывали на солому крыши, а остальное съедали.

До темноты бегали по деревне дети, выкрикивали веснянки, подкидывали в небо испеченных «жаворонков».

Во многих произведениях русского фольклора рассказывается о птицах, их облике, повадках: «Сова, совиныка, сова, большая голова, на колу сидела, в стороны глядела, головой вертела».

Самых разных птиц можно встретить в колыбельных песнях, пестушках и потешках, заклочках и приговорках, прибаутках и докучливых сказках. Без них не обходятся шуточные и плясовые песни, скороговорки. Птицы фигурируют в «подблюдных» песнях, частушках, пословицах и поговорках.

Загадывали загадку: «Не князь по породе, а ходит в короне». Это про петуха. Или: «Белы хоромы, красны подпоры». Это — гусь. А то еще: «Поднять можно, а через избу перекинуть нельзя» — это что? Пух!

Названия многих птиц и по сей день служат характеристиками людей. Про человека, который себе на уме, говорят: гусь лапчатый! Спесивую красавицу называют павой, а скромную — лебедушкой. А про драчуна и задирку скажут: петух!

Стрелять и есть некоторых птиц считалось грехом, нечестием. Так, на Руси особо почитаемыми птицами были голубь и лебедь. Бытовали поверья: кто убьет голубя, у того не станет водиться скотина; а если убитого лебеда показать детям — они помрут.

Древним людям многие явления при-

Филин

роды представлялись птицами. Орел олицетворял грозу, бурю и вихри. Сова — черную тучу, сверкающую молниями. Облако представлялось птицею, а снег уподоблялся перьям. Это отражено в загадках: «К божьему мясоеду гусей шиплют» — снег идет; «Белый лебедь на яйцах сидит» — поля, покрытые снегом.

Птицею представлялось древним людям и солнце. Оно уподоблялось у разных народов разным птицам: соколу, утке, гусю. Яркое дневное светило принимали за белоснежного лебеда.

Смерть первобытные народы также видели в образе птицы. Есть загадка: «Стоит дерево, на дереве цветы, под цветами корыто, над цветами орел — цветы срывает, в корыто бросает; цветов не убывает, в корыте не прибывает». Дерево в этой загадке — мир, цветы — люди, орел — смерть, корыто — гроб.

В народных сказках встречается златокрылая птица (утка, гусыня или курица), которая к исходу каждой ночи несет по золотому яйцу. Так древние люди представляли себе рассвет.

Ю. КРАСНОЩЕКОВ
Фото Г. Смирнова

ЛИРОХВОСТ

Своим необычным названием эта птица обязана прежде всего своему хвосту, имеющему форму лиры — старинного музыкального инструмента. Крайние рулевые перья, причудливым образом изогнутые, напоминают основу лиры, а многочисленные тонкие серебристые перья между ними — ее струны. Длина хвоста большого лирохвоста, самого крупного представителя семейства, достигает 80 сантиметров и почти в два раза превышает размеры его тела.

Однако птица-лира названа так не только за причудливый внешний вид, но и за исключительно разнообразный песенный репертуар. Вообще-то собственной песни как таковой у лирохвоста нет, но этот пробел птица с лихвой восполняет неповторимым мастерством звукоподражания. В ее «аранжировке» трели других птиц, а также разнообразные, порой далеко не ласкающие слух звуки, как, например, треск мотоцикла, лай собаки, блеяние ягненка или хриплый хохот австралийского зимородка, превращаются в изумительную мелодию, за которую лирохвост заслуженно считается «звездой лесной эстрады». Но поют, как и у большинства птиц, только лирохвосты-самцы, и то не круглый год, а лишь во время брачных игр.

Когда в Австралии наступает зима (по нашему календарю это период с мая по июль), самец сооружает на территории своего участка несколько своего рода танцевальных площадок. Они представляют собой небольшие, площадью около квадратного метра, совершенно голые клочки земли. Лирохвост тщательно удаляет с них всю растительность, сухие листья и веточки, а посередине делает холмик из почвы и опавшей листвы, на котором и токует. У одного самца шесть-восемь таких площадок, но среди них есть любимые, которые он содержит в идеальной чистоте.

Человек стремительно наступает на лес, вырубает огромные простран-

ства под посевы, и лирохвоста теперь можно увидеть только в национальных парках и заповедниках.

В одно из таких мест, где можно наблюдать эту уникальную птицу, — Шербрукский национальный парк, находящийся в сорока километрах восточнее Мельбурна, — мы и отправимся.

Ранним июльским утром крик самца-лирохвоста слетает с холмов и приглашает всех желающих на свидание с дикой природой. Любителей птиц в Австралии много, и каждое воскресенье, к семи утра, парк наполняется многочисленными посетителями. Птиц снимают, но главное — стараются записать на магнитофоны их песни.

Лирохвост держится в самых глухих, непроходимых местах национального парка. Здесь повсюду возвышаются 90-метровые стволы деревьев, подпирая, подобно готическим колоннам, зеленый балдахин из листьев, теряющийся в тумане. Многочисленные ползающие растения простирают свои щупальца под этим сводом, как бы желая объять все живое вокруг. Пышные папоротники забирают остатки солнечных лучей, которым удается просочиться в это сырое, изобилующее диковинными грибами, мрачное обиталище лирохвостов.

В густой растительности, покрывающей землю, птица протаптывает узкие тропинки, совершенно незаметные для неопытного глаза. По такой сети замаскированных коридоров она стремительно перебегает от одной площадки к другой, оставаясь при этом совершенно невидимой. Вообще лирохвост — наземная птица, летает редко и предпочитает планировать с одного дерева на другое. Ночь, однако, проводит на ветвях. Там, наверху, он в полной безопасности от бродячих собак и кошек.

Его день начинается сразу же после рассвета. Самец слетает со своего насеста, садится на любимую

ветку и гордо оповещает весь лес о своем пробуждении. Разбуженное фанфарами его голоса эхо разносится по еще сонным холмам и оврагам. Блестящий имитатор всех птиц Шербрукского леса, лирохвост поет сначала минут пятнадцать, исполняя своеобразную прелюдию к долгому концерту, который он представит затем с апломбом тенора Ла Скала. Потом он планирует на землю и начинает заниматься своими площадками. С поразительным усердием и заботой очищает холмик от каждого листика, веточки и кусочков коры, которые упали на него за ночь. Затем переходит ко второму холмику, третьему, и так до последнего.

Приведя в порядок холмик, самец обычно заканчивает работу короткой песней. После этого он ищет себе корм, энергично разрывая лесную подстилку длинными, как грабли, лапами. Питается различными червями, насекомыми и улитками. Подкрепившись, лирохвост начинает представление. Токует он не при всякой погоде. При сильном дожде, ветре он петь ни за что не будет, равно как и под прямыми солнечными лучами. Однако очень любит пасмурную погоду и даже морозящий дождь, под которым его шелковистое оперение приобретает блеск.

С близкого расстояния лирохвост выглядит не таким ярким, каким кажется издали. У него большие голубые глаза, серая шея и темно-серая грудь. Крылья коричневатоземлистых оттенков, сложенный хвост, снизу отличающийся белизной, сверху также коричневый. Токующий лирохвост подпускает осторожного наблюдателя почти вплотную.

Почувствовав приближение самки, самец весь преобразается. Шея выпрямляется, вытянувшись как перископ подводной лодки. Глаза внимательно изучают окрестности. Тотчас же он издает трель, повернувшись в том направлении, откуда должна показаться подруга. Сцена готова,

героиня ждет своей очереди за кулисами, с напускным безразличием наблюдая за действиями своего партнера. Чем более равнодушной она хочет казаться, тем с большим старанием пытается самец вовлечь ее в игру. Он встает на середину холмика, чуть отклоняется назад, будто бы переводя дыхание, и издает первую трель, словно бросая вызов сопернику. Затем начинает свою мелодичную песню-подражание.

Как будто потревоженный легким ветерком, его хвост чуть колыхнется, потом птица изящным движением разворачивает его, образовав подобие веера. Сверкают тонкие серебристые перышки, очень похожие на ажурные листья папоротника, окружающие арену. Длинные ноги наминают стебли растений, а коричневые перья, кажется, берут свои краски у мягкой земли холмика. Лирообразный хвост принимает форму потока, низвергающегося высоким водопадом и эффектно разбивающегося у его подножия. Голову и тело птицы словно облекает сияющее великолепие, исходящее от хвоста. Ритмично перепрыгивая с ноги на ногу, самец продолжает танец. Быстро хлопая крыльями, он как бы аккомпанирует своей песне.

Гнездо лирохвост строит всегда крытое, с боковым входом и располагает его обычно на земле, реже на ветвях дерева или кустарника, на небольшой высоте. Самка откладывает лишь одно яйцо, которое насиживает 45—50 дней. Самец не принимает участия ни в насиживании, ни в выращивании птенца. Тот вылупляется из яйца голым, но через несколько дней покрывается длинным черным пухом. Мать выкармливает его мелкими насекомыми и червями. Пройдет немало времени, пока он превратится в изящного красавца, достойного продолжателя рода виртуозных певцов Шербрукского леса.

И. ЧИНЯКОВ

ГОСТЕПРИИМНЫЙ БАЛКОН

У большинства людей появление синиц вызывает чувство ответственности за судьбу этих маленьких пернатых зимовщиков, желание помочь им. Так и возникают птичьи столовые.

На моем балконе постоянно имеются кормушки, причем самых разных конструкций. Не ограничиваться же одним только лотком, с которого порой весь корм склеивают более проворные птахи, например воробьи. Конечно, голуби и воробьи тоже птицы. Но нельзя забывать, что этим городским постояльцам куда легче прокормиться, нежели мелким лесным пичугам. Они ведь хлебными крошками и другими пищевыми отходами могут быть сыты. А то что получается? Насыплешь иной раз в открытую кормушку несколько стаканов подсолнухов. Думаешь, теперь на неделю хватит синичкам. Да не тут-то было. Налетят сизари с воробьями и буквально за несколько минут так

опустошат столовую, что после их визита и зернышка цельного не сыщешь. Вот поэтому и приходится делать еще и специальные синичьи кормушки. Для этого я использую пакеты из-под молока. Вырежу одно-два круглых отверстия, насыплю туда корма и подвешу столовую на суровой нитке. Не каждый воробей осмелится заглянуть в такой раскачивающийся на ветру пакет. Зато синичкам только сытнее от этого.

Литровая, двухлитровая и даже трехлитровая стеклянные банки тоже вполне приемлемы для кормушек. В банки-кормушки можно положить деревянные прутья. По ним пичугам удобнее будет спускаться к корму и выбираться обратно. Можно еще банки подвешивать под любым наклоном, предварительно закрыв горловину пластмассовой крышкой с вырезанным в ней отверстием.

Приспособил я под кормушку и самую обычную клет-

ку. Поначалу дверцу открываю полностью. А когда птицы привыкнут, дверную щель постепенно уменьшаю.

Синицы, помимо семян подсолнуха, конопли, тыквы, дыни, охотно клюют всевозможные животные жиры. Но особенно любят свежее свиное сало. Интересно наблюдать: вцепится пичуга в кусок вкусной снеди и давай орудовать своим острым клювом.

Иногда на балкон прилетают дятлы, поползны. Можно увидеть здесь и москочков, гаичек, лазоревков. Конечно, мелких птиц труднее привлечь к жилью человека в большом городе. И если мне это удаётся, то в этом заслуга птиц, постоянно живущих в домашнем зоопарке. Они-то и зазывают своим пением вольных собратьев, которые нет-нет да соблазняются угощением. А то, глядишь, и постоянно начинают посещать кормушки.

Некоторые пернатые так привыкли ко мне, что принимают еду прямо из рук. Поначалу птицы осторожничают. Потом стали подлетать к кормушкам во время моего присутствия на балконе. Я стал подбрасывать им любимое лакомство — мучных червей. Первой приняла мучного червя с ладони москочка, затем гаичка. Вскоре и поползень поверил в доброту человеческих рук. Что касается больших синиц, то стоит только мне выйти на балкон, свистнуть несколько раз, как желтогрудые непоседы отовсюду слетаются на зов. Протянешь полную подсолнухов ладонь и сразу же ощущаешь прикосновение птичьих лапок.

С помощью домашних птиц приходилось привлекать чижей, чечеток, щеглов. Но они подолгу не задерживались у кормушек. Им сама природа корма довольно приготовила.

Для чижей и чечеток всегда найдутся семена березы, ольхи, ели, сосны, лиственницы.

Посещают мой балкон и снегيري. Правда, на коноплю и подсолнухи они не клонуют. Тогда я в большом количестве заготовил рябину, боярышник, калину, барбарис, бирючину. С наступлением морозов сочные кисти ягод развесил на балконе. Больше всего моим пернатым друзьям понравилась рябина. Ею я доверху наполнил самую обычную клетку. Поначалу птицы склевывали рябину, которая находилась с внешней стороны металлических прутьев. И только когда легкодоступные ягоды были съедены, один из снегирей осмелился залететь в клетку. На следующий день его примеру последовали другие птицы. Тогда я решил несколько разнообразить кормовой ассортимент. Вместе с рябиной стал класть в клетку семена льна, ясеня, сирени, ели, лебеды, хмеля. При этом я старался использовать те семена, которыми мало интересовались воробьи.

Снегири держатся в средней полосе до середины марта. Но отдельные птицы встречаются здесь и в апреле. Весной красногрудые красавцы много и охотно поют. Рассажусь красными яблоками на ясенях и давай прославлять наступившую оттепель. С самого рассвета и до сумерек слышится их приглушенное: «фю-фю, зюу-зюу...»

Не могли остаться равнодушными к годам и хохлатые свистелы. Сначала о легкой добыче узнали всего лишь две птицы, а уже через день-другой на балкон стала наведываться целая стайка этих красивых пернатых зимовщиков. Налетят шумной ватагой, наклюются мороженых ягод — поди им плохо! Сытые птицы не спешат улетать далеко от гостеприимного балкона. Усядутся где-нибудь поблизости на заиндевелых деревьях, а через некоторое время вдруг сорвутся с места — и снова к кормушке. И так целый день.

Тут уж никаких ягод не нападется. Стал я тогда подбрасывать птицам обрезки яблок, тертую морковь, свеклу, белый хлеб, моченный в компоте или сладком чае.

Оставшиеся на зимовку дрозды-рябинники осторожней снегирей и свистелы. Поэтому мне пришлось потратить много времени, прежде чем они стали прилетать на балкон. Все началось с того, что я выпустил на улицу своего полуручного дрозда-выкормыша. К морозам он был привычен, жил в вольере на свежем воздухе. Оказавшись на свободе, птица не улетела от человеческого жилья. Да и куда ей лететь? Кругом снег. Правда, были моменты, когда дрозд отлучался на какое-то время.

И вот однажды я заметил, как из стаи свистелы отделились три дрозда. Один из них сразу же устремился к балкону. Это был мой воспитанник. Остальные две птицы сели на соседнюю березу, а потом последовали примеру собрата. Так вот я и привлек на балкон дроздов.

С появлением обширных проталин дрозды перестали наведываться к кормушкам. Несколько позде улетел куда-то и мой дрозд. Видимо, он обзавелся семейством. Но кто знает, может быть, в трудное время он вспомнит о человеке.

Иногда и сорока наведывается ко мне в гости. Хоть и воровские у нее замашки, но все же нравится мне эта птица. Она вносит оживление в природу, украшает зимний пейзаж. Да и голос ее, пожалуй, ни с какой птицей не спутаешь. Только вот заманить на балкон длиннохвостую стрекотунью — дело нелегкое. Больно уж она осторожна.

Прилетают под мои окна и другие птицы. Случается, не только в холодное время года, но и летом, ранней осенью. Разложу кучками, развешу на нитках ягодную приманку и наблюдаю. Нет-нет да заглянут на балкон славка, горихвостка, пеночка. Правда,

пернатые долго не задерживаются. Ведь это в основном пролетные птицы. Только однажды был случай, когда один и тот же соловей около недели прилетал на балкон.

Кормушки не только спасают птиц от голода и гибели, но и сдерживают их от кочевов в период гнездования. Это наблюдается там, где птиц продолжают подкармливать и в весеннюю пору. Ведь не только март, но и апрель — трудные месяцы в их жизни. Почти все семена как древесно-кустарниковых растений, так и сорняковых трав осыпались, да и насекомых в это время еще мало. Даже прилетевшие с зимовки жаворонки, зарянки, зяблики, трясогузки испытывают голод. И если неожиданно похолодает, то наиболее ослабевшие от длительного перелета птицы даже могут погибнуть.

Если вы будете продолжать подкармливать пернатых в весенний период, некоторые из них не улетят гнездиться в отдаленные лесные урочища, а поселятся рядом с вами. Так мне удалось привлечь надежных защитников зеленых насаждений — больших синиц. Они гнездятся в самом обычном скворечнике, прикрепленном возле оконной форточки. Вход в гнездовье я делаю с таким расчетом, чтобы скворец не смог проникнуть в синичий домик.

Интересно наблюдать, как самка строит свое уютное гнездышко. Поначалу в ход идут корешки прошлогодних трав, затем будущая мамаша начинает таскать мох, шерсть домашних животных. Самец участвует в строительстве не принимает. Он только и занят тем, что оглашает округу веселой песней да отгоняет своих собратьев, случайно приблизившихся к его гнездовой территории. Правда, ему еще приходится подкармливать подругу. То личинку, то гусеницу принесет. Или залетит в клетку-кормушку, возьмет семечко и спешит с ним к своей избраннице.

Ю. НОВИКОВ

ДОМИК ДЛЯ ПОПУГАЯ

В редакцию приходят сотни писем вот такого содержания: «Помогите! Купили (подарили, взяли, отдал родственники) комнатную птицу, но не знаем, чем ее кормить, где содержать».

Перво-наперво нужно запомнить следующее. Не приобретать пернатого питомца, пока не будут созданы все условия для его

содержания. Начните с изучения специальной литературы. Примерный список наиболее доступных книг вы найдете на страницах этого номера журнала в разделе «Зеленая полка». Затем выпишите

оттуда все рекомендации, относящиеся к вашему будущему питомцу. Заранее позаботьтесь о жилье для новосела и корме. Не пренебрегайте советами об оказании ему «скорой помощи».

Сегодня мы публикуем несколько рекомендаций, которые помогут вам выбрать клетку нужной конструкции.

ны, не подвержены действию химических веществ и боятся только горячей воды и высоких температур. В них можно содержать любых птиц, кроме крупных попугаев. Клюва этих пернатых «не бьется» только металлом.

Лучшая форма клетки для одного попугая — четырехгранник с куполообразным или плоским верхом. Внутри к верхней решетке прикрепляется одна жердочка и кольцо. Жилище должно быть достаточно просторным, чтобы попугай мог свободно расправить крылья или раскачиваться на кольце из стороны в сторону, повиснув вниз головой.

Для мелких птиц удобны прямоугольные или продолговатые клетки с плоским верхом. Это позволяет ставить домики один на другой. В круглых и куполообразных пернатые чувствуют себя уютно, а в трапецевидных и ромбических им бывает тесно.

Пропорции клеток должны соответствовать повадкам их обитателей. Птицам, которые много бегают по земле, нужны невысокие, но просторные домики. Например, для бегающих попугайчиков бортики должны быть не ниже 10—15 сантиметров. Эти питомцы любят ворошить и разбрасывать мусор ногами наподобие домашних кур. Следует избегать клеток, украшенных балочками, кошечками, башенками и другими лишними элементами. Они только затемняют внутренность клетки, собирают пыль и грязь.

В квартире лучше всего держать птиц в клетках. Они должны быть красивой формы, аккуратными, удобными для уборки и кормления, а главное — уютными для их обитателей.

Клетки бывают цельнометаллические, деревянные (из бука, дуба, других крепких пород дерева) и комбинированные. Выбор зависит от вида, величины и количества птиц, для которых они предназначены. Удобны цельнометаллические, особенно никелированные клетки. Они долговечны, гигиеничны, их ажурные решетки пропускают много света. Но есть и недостатки. При каждом прыжке птицы такое жилище дребезжит и мало подходит для пугливых питомцев. Поэтому многие любители предпочитают держать канареек, ткачиков и мелких попугаев в комбинированных клетках.

Деревянные пригодны для содержания пугливых или находящихся на карантине канареек и ткачиков. Держать в них даже мелких попугаев нельзя. Эти клетки красивы, но они боятся сырости, а в щелях легко заводятся наружные паразиты птиц. Кроме того, дерево нельзя обрабатывать дезинфицирующим раствором.

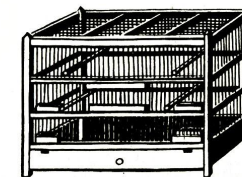
Комбинированные имеют преимущества и недостатки как первых, так и вторых видов клеток. Поэтому они непригодны для большинства попугаев и некоторых других птиц. Нельзя в качестве материала использовать медь или оцинкованную проволоку.

Цельнометаллические.

Под действием влаги, грязи и воздуха конструкции клетки постепенно покрываются окисью, что действует на питомцев как медленный яд.

В последнее время многие стали пользоваться клетками, изготовленными из органического стекла, других синтетических материалов. Такие жилища для комнатных пернатых очень гигиеничны.

Комбинированный.

Рис. Г. Кованова

К концу шестидесятых годов в Европе и Северной Америке из-за усиленного применения пестицидов резко сократилось количество сапсанов, или настоящих соколов. Так, в Англии в это время зарегистрировано всего лишь 350 гнездящихся пар.

В настоящее время, по данным Орнитологической лаборатории Корнеллского университета (США), их число постепенно увеличивается. В Англии, например, гнездится уже более тысячи пар сапсанов. Но в континентальной части США их все еще мало — не более 5—10 процентов от прежнего количества. Дело в том, что в последние годы в США процветает контрабандная торговля как соколами, так и их яйцами. Несколько лет назад Министерство внутренних дел официально разрешило продажу хищных птиц, выведенных в неволе. Этим не замедлили воспользоваться дельцы, и на рынок стали поступать птицы по поддельным документам.

Таким образом были проданы сотни птиц. Федерация охраны природы США потребовала немедленного повсеместного запрета на продажу всех видов соколов.

Американские биологи выяснили, что для санитарной обработки своих гнезд техасские ушастые совы используют один из видов слепозмеек. Совы хватают их с земли когтями и приносят в свои гнезда.

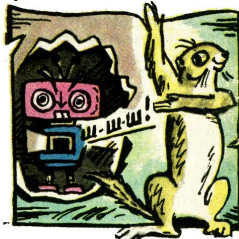

да, где змейки уничтожают насекомых-паразитов.

Обследовав 77 гнезд с птенцами, в тринадцати из них ученые нашли живых змеек. Обычно змен этого семейства обитают в почве. Они питаются личинками муравьев и термитов. Но как птицы «додумались» использовать их в качестве санитаров?

И еще одно любопытное наблюдение. Биологи выяснили, что молодые совы, в чьих гнездах жили слепозмейки, росли быстрее птенцов, в гнездах которых их не было. Среди них был и меньший процент гибели.

В Северной Америке встречается сова, которая вьет гнезда в заброшенных норах, вырытых грызунами. Если ее испугать, она издает шипение, очень похожее на то, которое можно услышать лишь от гремучей змеи.

Человеку практически невозможно отличить эти звуки друг от друга. А животным? — такой вопрос поставили перед собой ученые.

Экспериментаторы подобрали две группы сусликов, в чьих норах охотно селятся как гремучие змеи, так и совы. Первую группу составляли суслики из местности, где такие змеи встречаются постоянно, а вторую — где они являются редкостью. Совы же были одинаково распространены там и там.

В лабораторных условиях грызунов «приглашали» зайти в искусственную нору, в глубине которой звучали записи шипения или совы, или

ОКАЗЫВАЕТСЯ

гремучей змеи, или — в контрольном случае — различные нейтральные звуки.

Те суслики, которым в естественной среде, вероятно, не случилось сталкиваться с гремучей змеей, относились ко всем звукам осторожно. Те же, которые ранее жили под постоянным риском стать жертвой змеи, явно слышали в записи реальную угрозу и в нору отнюдь не стремились, а к птичьей имитации шипения они относились значительно спокойнее.

Исследователи, впрочем, не исключают, что шипение помогает сове выжить суслика из норы. Кроме того, враги совы — койоты, куницы, ласки — могут также уstraшить «змеиного» шипения и остановить птицу в покое.

Всем известно, что обыкновенная кукушка гнезда не строит. Она подкладывает только по одному яйцу в гнезда других птиц. Как правило, это делается, когда кладка будущей приемной матери еще не закончена. Некоторые птицы, обнаружив в своем гнезде чужое яйцо, выбрасывают его, другие оставляют само гнездо, третьи — просто прикрывают старую кладку подстилкой и начинают новую. Но многие птицы не замечают чужого яйца и продолжают насиживание. А как птица может его заметить, если по расцветке оно такое же, как ее собственное? Посмотрите на снимок. Перед вами восемь кладок птиц разных видов, и в каждой из них — яйцо кукушки (оно чуть крупнее). Но только в гнездо завирушки (ее кладка в центре) кукушка положила яйцо, не забываясь о его маскировке. Дело в том, что завирушка, как и многие другие виды мелких птиц, не реагирует на появление в ее гнезде чужого яйца. Как кукуш-

ки ухитряются «окрасить» свои яйца под цвет яйца того вида, в гнездо которого они их откладывают (см. фото)? Вопрос остается открытым.

Подбрасывают яйцо в чужое гнездо не только кукушки. Аналогичное поведение орнитологи наблюдали у некоторых ласточек, скворцов и уток, у которых самка нередко несет в гнезде другой птицы, принадлежащей к ее же виду.

Недавно американские биологи обнаружили у ласточек береговушек неизвестную до сих пор особенность поведения. Они впервые наблюдали, как ласточка переносила в

гнездо соседей уже снесенное ею яйцо. Этот факт подтвердился, когда яйца были помечены. В шести процентах всех гнезд данного поселения находились чужие яйца.

В одном случае ласточка доставила свое яйцо соседям прямо у них «под носом». Последовала стычка, через считанные секунды ее изгнали, но яйцо осталось подкинутым.

Биологическая целенаправленность подобного поведения не совсем ясна. Правда, известно, что в любом поселении ласточек около десяти процентов яиц остается не насиженными. Возможно, самка подбрасывает свои яйца в тот «инкубатор», который действует более продуктивно.

Записки натуралиста

РАСПИСНАЯ СИНИЧКА

Свою коллекцию птиц более чем в тысячу экземпляров я передал в Зоологический музей МГУ, но десятка три самых мне дорогих оставил пока у себя. Это птицы, с которыми связаны какие-нибудь маленькие открытия, яркие воспоминания, незабываемые поездки и приключения. И вот я снимаю со шкафа большую черную и плоскую коробку, открываю и достаю из нее расписную синичку.

И сразу запахло арчей, повеяло студенным ветерком, послышался отдаленный и ровный шум зимней реки. И то одна картина, то другая стали всплывать в памяти. Но лучше все по порядку.

В тот год мы зимовали в Ала-Арче вместе с женой и пятилетней дочкой. В лагере существовала небольшая метеостанция, и в наши обязанности, помимо всего прочего, входило два раза в месяц обходить снегомерные рейки и фиксировать высоту снежного покрова. Рейки были расставлены по всему ущелью так, чтобы места их и подходы к ним не представляли лавинной опасности.

В горах, да еще зимой не стоит ходить одному. Но не оставлять же на целый день без папы и мамы маленькую дочку. Приходилось выполнять эту работу одному. Я брал с собой на такие выходы нашу здоровенную овчарку по имени Аю. Раз-

мером пес вымахал чуть ли не с теленка, был лохмат и страшен. Я взял его у киргизов-пастухов еще щенком, но уши ему уже успели отрезать. Считается, что в драке или схватке с волками не за что будет ухватить. Аю зимовал со мной уже второй год.

Ходил я без лыж. Наверх тяжело их тащить, а по дну ущелья плохо спускаться, камней много и раската нет с выходом на склоны. Они обрывались в ущелье довольно круто. Так и в тот раз взял с собой маленький рюкзачок с едой и термосом да ружье, без него я не выходил. К тому же снега в тот год выпало не так уж и много, если не сходить с тропы и не проваливаться между камней, идти нетрудно.

Аю бежит впереди, он дорогу знает и зря в снег не полезет. Обошли мы с ним все рейки, стали спускаться. И тут я услышал голосок расписной синички, вернее писк нескольких синичек. У меня нет музыкального слуха, лишен счастья понимать музыку. Не дано от природы. Но в тончайшем голоске расписной синички я всегда отчетливо слышал, улавливал великий покой гор. Ее тихое и мелодичное «тсини-тсини...», такое протяжное и неторопливое, такое философски спокойное, величавое, как-то не вязалось с суетливым поведением. Птичка, ни секунды не оставаясь в покое, быстро и энергично снует среди ветвей арчи. Кажется, чтобы произвести такой звук, она должна бы остановиться, сесть спокойно на ве-

точку и посмотреть на опирающиеся в небо снежные вершины, ощутить всю грандиозность окружающего мира и только тогда произнести свое умиротворяющее «тсини-тсини...».

А может быть, это просто ассоциация? Ведь голосок расписной синички слышишь только здесь, на Тянь-Шане, где ты один на один с горами. Да с какими горами! Не Урал и не Карпаты. Перед тяньшанскими вершинами чувствуешь себя малой букашкой, ничего не значащей в их мире.

Итак, на спуске я услышал голосок расписной синички. Он раздавался из куста стелющейся арчи, растущей на границе дна ущелья и вздымающегося над ним крутого склона. Подобравшись к кусту, я тем самым вспугнул стайку из пяти ловко лазающих внутри арчового стланника птичек. Они перелетели на другой куст, повыше.

Я выстрелил и успел заметить, что синичка упала под куст.

В этот момент наверху треснуло, зашипело, и сорванная мной выстрелом снежная лавина устремилась вниз. В несколько прыжков я метнулся под нависшую скалу и вцепился в корявые ветки арчи. Ударил воздушная волна, запылила снежной пылью, прогреготала лавина. И стало тихо. Удивительно тихо.

Я поднял голову и увидел лежащую под мной расписную синичку. Потом услышал скрип снега и дыхание Аю. Пес подошел и сел. В голове гудело, сердце бешено колотилось. Огляделся. Ружье лежало рядом, улетела только шапка.

Я не стал рассказывать жене о случившемся, сказал, что уронил шапку в реку и она ушла под лед. И в тот вечер как ни в чем не бывало сел обрабатывать эту самую расписную синичку с коллекционным номером 678.

И вот теперь я кладу ее на освещенный солнцем чистый лист бумаги, люблю ее расцветкой. Перо в орнитологических коллекциях не выцветает, меняет со временем свою окраску лишь роговица — клюв и лапы. Птицы лежат в нашем музее по двести лет, и цвет их оперения остается тем же. Может быть, не все меня поймут. Как можно любоваться неживой птицей? Но для меня, орнитолога, это экспонат, предмет научного изучения, средство познания, не говоря уже о связанной с ним истории. И не в природе, не в зоопарке, а только в музее вот так можно рас-

смотреть окраску расписной синички.

Общий тон ее расцветки сине-фиолетово-лиловый. На спинке больше синего, на боках и на нижней части брюшка — фиолетового и лилового. Головка рыжая, над глазами светлые брови, такие же светлые полосы по бокам хвоста. Самка окрашена чуть бледнее. Чем же так привлекательна окраска расписной синички? А тем, что ее рыхловатое оперение названных цветов выполнено в мягких, как бы пастельных тонах. Это не попугайная яркость тропиков, а притушенные краски гор, сурового Тянь-Шаня.

А. КУЗНЕЦОВ,
Москва

ОБМАНЩИК

Прятедь мой, уезжая в город, оставил в холодильнике разделанную курицу. Да по рассеянности отключил электричество. И когда я вернулся в деревенский дом, то кура уже испортилась. Бросил ее в ведро и потащил за бугор, в помойную яму.

Сидящая на ветле ворона одобрительно вякнула. Откуда-то из поднебесья вывалились две пернатые сообщницы. И не успел я дойти до калитки, как на склоне бугра закипело смачное молчаливое пиршество.

С этого дня вороны взяли мою калитку на особый контроль. Едва я выходил из нее с ведром, как в воздухе кружил глазастый большеклювый доглядчик. Он первым опускался к яме исследовать, что перепало на этот раз: рыбы кишки да головы или что-нибудь повкусней. И тотчас слеталась стая...

Вскоре я собрался по грибы. Корзина оказалась занята, пришлось довольствоваться чистым ведром. На дно его, завернув в целлофановый пакет, я кинул пару желтых антоновок и пошagal, радуясь ясному утру, распахнутым далям, свежей, настоящей на увядающих травах прохладе...

Провожатых я заметил не сразу. Они перелетали с дерева на дерево, о чем-то перекаркиваясь негромко. Но стоило выйти на прибрежный луг, как закружила, захороводила черная стая. То снижаясь, то взмывая ввысь, она явно не желала отставать от меня.

— Чего надо? — недовольно прикрикнул я.

Вороны загомонили. Вроде даже при-

отстали, сделав широкий круг над рекой, и снова зависли надо мной, смешно выворачивая головы. Лишь тогда озарила простая догадка: ведро-то похоже на помятое, а в нем круглятся нечто, подобное курице, неделю назад вытряхнутой из целлофана. И вновь тащу целлофан. Куда, зачем в такую даль? Давно уже яму миновал, а все не опорожняю ведро...

— Нет у меня ничего! — объявил я, задрвав голову.

Обрадовавшись моей понятливости, сверху закаркали хрипло и многогласно:

— Кур-ру давай!.. Давай кур-ру!!

Ну и глотки у горлопанов! Кого угодно переорут. Я гулко постучал по ведру ладошкой.

— Кур-ру давай! Не жмись! — галдела пернатая братия.

Пришлось доставать яблоки. Рассовав антоновку по карманам, я перевернул ведро и для убедительности хлопнул по днищу.

Мне показалось в ту минуту, как вздох разочарования покачнул стаю и разом развернул ее вспять. Что-то клекнуло-вякнуло в высоту. Наверное, тот самый доглядчик в сердцах буркнул вдогонку: чего ж, мол, такой-рассякой, морочил нам головы понапрасну.

С той поры перестал меня ждать по утрам бдительный сизоколювий разведчик. Напрасно оглядывал я, возвращаясь с порожним ведром, желтеющие ветлы, соседний холм с покосившейся строчкой городьбы, глубокую синь неба... Стыло и пусто было вокруг. Разочаровалось во мне, обманщице, воронье.

Ю. ЛЕОНОВ,
Москва

ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА

Мартовский полдень. Светоносная синь теплого неба. Несмолкаемое журчание кристально чистых ручейков. Синичий перезвон в прибрежной рощице. Оттуда же доносится барабанная дробь дятла и тихий стрекот вроде бы чего-то опасяющихся сорок. Возможно, им кто-то угрожает? Они строят новое, похожее на мохнатый шар прутьяное гнездо. А там, где оно сооружается, излишне шуметь не положено.

Часа полтора дружной старательной

работы. Потом отдых. Сорочья чета усаживается на верхушку соседнего тополя и сторожко озирает окрестные луга, лесные куртины и уже набухающую талой водой речушку. Тихо. Минута, другая — и вдруг внизу, в кустах лозняка и черемушника, воровато мелькнула чья-то острокрылая тень. Ястреб-тетеревятник! Один из самых дерзких разбойников в птичьем царстве. И чету белобоких сорок с тополя будто ветром сдуло. Особо-то не отличаясь быстротой полета, они в страхе подняли отчаянный крик: «Кер-кер-ге, кер-кер-ге!» И, часто-часто махая крыльями, словно барахтаясь в воздухе, тяжело, медленно подались в лес за речушку.

Крупнее ворона сизо-серая, с крючковатым клювом птица без малейшего шороха упала в ивовый куст. Упала. Замерла. Несомненно пернатый волк выскивал жертву. А чтобы заставить ее врасплох, хитрил, незаметно затаивался, то тут, то там появлялся украдкой, нежданно-негаданно.

Вот острым взглядом осматриваясь вокруг, он нырнул из одного куста в другой, третий. И вдруг... Что такое? Из-за речушки приближался сюда многоголосый гвалт, стрекот. Вероятно сообразив, в чем суть, ястреб тотчас метнулся в гущу черемушника и словно в воду канул. Спрятался, затих. А минуту погодя в перелеске буйствовала уже целая стая чернохвостых сорок. Сперва, как бы разыскивая кого-то, они рассыпались во все стороны, а затем в неопишущей ярости поднялся галдеж над черемушником.

Давно известно, что для любого хищника сорочий глаз и крик куда страшней, чем чей-нибудь клюв, клык или коготь. И обнаруженный ястреб немедленно пе-

ремахнул из черемушника в соседний соснячок. Но чур! Едва укрылся под мохнатым навесом, как над его головой уже частила неумемная трескотня. Вот он, мол, злодей! Держите, ловите разбойника!

И так, сопровождаемый эскортом разъярившихся стрекотух, незадачливый охотник начал ошалело метаться из одного укрытия в другое. Однако тщетно. Нападающие не стремились щипнуть его клювом, ударить крылом или лапой. Нет! Их дружный натиск и безудержный крик напоминал какую-то психическую атаку, которая приводила врага в отчаянное смятение. Он просто не знал, куда деваться.

Наконец стремглаз ястреб бросился в заречную рощу. А сорочья ватага? Она в суеде пошумела еще немного, и птицы рассыпались всяк по своим местам. В перелеске остались лишь владельцы недостроенного гнезда. Но вот загадка. Каким же образом они за несколько минут сумели призвать на помощь до десятка своих собратьев?

П. СТЕФАРОВ,
г. Сумы

СОВКА

В сенях скрипнула дверь. Это отец возвращался с обхода. Хоть и нелегкая у лесников работа, а почти всякий раз, закончив дела, он по пути к дому захватывал нам, детям, самые разные лесные трофеи. То причудливый сучок, замысловато изогнутый в виде ящерицы, ужа или какого-либо зверька, то гриб какой-нибудь необычной формы, то огненно-алую кисть калины, уже прихваченную легким морозцем. Вот и на этот раз мы с братом Колькой, со всех ног бросившись встречать отца, не обманулись в своих ожиданиях: в руках он бережно держал серый небольшой комочек — совенка. «Комочек» таранил глазки, пытался крутить головой, трогательно топорища перышки. Однако довольно быстро успокоился, как бы сообразив, что здесь ему никто не сделает вреда. Это был птенец серой неясыти, той разновидности сов, что во множестве водились в те годы в наших лесах. Пернатому несмышленышу явно не повезло. У него была перебита лапка и повреждено крыло. Как это случилось, можно только гадать. Ясно одно, пропал бы бедняга в лесу.

Мы поместили совенка на чердаке, устроив ему уютное гнездо в старой плетеной корзине. На перебитую ножку отец наложил лубок. Здоровье и силы быстро возвращались к нашему питомцу, который к тому же оказался непривередлив, ел то, что оставалось от стола или было в доме. С особенным аппетитом, как нам казалось, он поедал мелкую рыбешку. Ее мы с братишкой еще до моего ухода в школу успевали наловить в ближайшей речке.

Летели дни. Беспомощный совенок превратился во взрослую, ставшую на крыло птицу. Теперь наша воспитанница жила под навесом сарая, где облюбовала поленицу дров. С наступлением сумерек и даже глубокой ночью стояло только выйти из избы и тихонько позвать: «Совка-Совка-Совка», как сова вскоре появлялась откуда-то из темноты, доверчиво усаживалась на вытянутую руку или плечо и принималась щелкать клювом, прося угощение.

Долго жила она по соседству с нами. Днем дремала в своем убежище, а с наступлением сумерек улетала на охоту. По мере уничтожения в округе мышей и крыс она все дальше отлучалась в поисках корма. И вот наступило время, когда она полностью перешла на самостоятельный образ жизни, отвыкла от человека. И только иногда ночной порой я видел ее тихо сидящей на крыше нашей избы.

Родной дом — он дорог и человеку, и птице.

Ю. НОВИКОВ,
Москва

БЕРЕГОВУШКИ

Весна была мокрая, скудная на тепло, затяжная, и напрасно я ходил на обрыв — он зиял мертвой, рыхлой желтизной оголенной глины.

«Может, нынче не прилетят? — думал я. — Или прилетели да не обжили этот обрыв?»

Последнее больше походило на правду. Обрыв всякий год подвигался к деревцам, толпившимся за ним на поляне, всякий год точно огромным тяжелым ножом срезало здесь землю слой за слоем. Вот и нынче, то ли осенью еще, то ли в пору весенних дождей сволокло с обрыва на отмель и дно глубокой ямины целые глыбы рыжей глины, сволокло и по-

валило кое-как. От нового оползня обрыв стал точно глубже, а на краю его карнизами нависла пронизанная травными корнями земля, удержали ее травы. Если не приглядеться наперед да вступить — так и загремишь вслед за пластом дернины в зияющий провал. Где-то там, в яме, были похоронены прошлогдние гнезда береговых ласточек. И человеку их теперь не найти, не то что птице. Интересно, что будут делать береговушки, когда не увидят своих круглых норок? Остаются это место?..

С весны до осени здесь, на высоком берегу, возле молоденьких лиственниц, сосенок и берез не переводились люди: парочки, целые семейства, спокойные мальчишки. Больно уж хорош отсюда вид на Волгу. Река, уходя кверху, и без того широкая, еще больше раздается, расплещивается, раздвинутые берега ее тают в сизой сияющей дали и похожи порой на залежные по краям синие, дымные порой на облаков. А ласточки, как нарочно, селились по верхнему этажу обрыва, их гнезда при желании можно было рукой достать. И доставали — не раз и не два я видел мальчишек. Лежа на краю обрыва и свесившись, пытались поймать они быстрых веселых птиц в хитроумные петли и сачки. Теперь-то они, конечно, не рискнут, карнизы слишком коварные, но все равно — незавидное для береговушек место...

Так я думал и жалел, что, наверно, не увижу их нынче.

А время шло. Завершился последний, обманувший всех, небывало холодный месяц весны — май. Первое июня выдалось теплым, но дождливым. Зато второго вдруг сразу утвердилось золотое горячее лето, поплыл сухой, щекоющий снег с тополей, в белый наряд оделись яблони, сирень засинела гроздьями еще сжатых в кулачок соцветий.

Банная густая теплынь окатила оба берега, и Волга лилась в них бесконечным шелком, и на ней точно млели в сизой солнечной дымке белые паромы, темные буксиры и длинные баржи-самоходки.

На поляне, ярко-зеленой под солнцем, пушистой, будто в оцепенении, стояли лиственницы в широких зеленых сарафанах, молоденькие сосны, уже успевшие выпустить светло-коричневые гнущиеся свечи, сложенные в щепоть, березы, стволы которых стали еще пестрей от теней собственных веток и листьев.

А за обрывом, над охряной, пугающей пустотой, с писком и стрекотом носились, крестя воздух во всех направлениях, маленькие серые молнии. Иные из них, сразу несколько, вдруг припадали к отвесной стенке обрыва, всего на секунду-две, и там, где они сидели, виднелись круглые небольшие углубления. Птицы вернулись и заново обживали обрыв.

Я стоял у карниза, и у самых моих ног, над ямой, широким эллипсом, как в водовороте, кружились быстрые серенькие тени. Каждая из птиц, я заметил, описывала круг, и круг этот неизменно начинался и завершался у стенки обрыва, где опять в непосредственной близости от людей они долбили свои норки в сухой затвердевшей глине. Иные из птиц словно бы промахивались — на завершающем вираже их заносило над обрывом, и они мчались буквально в сантиметре над травой. Описав стремительную дугу над дерниной, они опять возвращались в кружащую, стрекочущую над ямой и рекой стаю.

Смотришь на береговушку минуту, другую, третью, и начинает казаться, что десятки живых маленьких ножики стригут воздух, словно прозрачную, тонкую ткань. Удивительно смелые, жизнерадостные птицы, и беден волжский берег без них, так же беден, как поле без жаворонка.

А. МАЛЫШЕВ,
г. Иваново

В КОГТЯХ У ЯСТРЕБА

Надо мною безоблачное небо, яркое солнце, и где-то в вышине звенит серебряным бубенчиком невидимый жаворонек. Но вдруг он смолкает, пулькой пикирует вниз. Я поднимаю голову и вижу: с высоты, из поднебесья летит на жаворонка ястреб-перепелятник. Оказалось бы рядом поле с посевам, жаворонек, конечно, юркнул бы в густоту зелени и спасся. А тут открытое место, негде спрятаться от хищника. В одно мгновение ястреб схватил с земли маленькую птаху и полетел к ближайшему телеграфному столбу, чтобы прикончить там жертву.

Я вспомнил и помчался следом, кидая в него на бегу сухие комья. Преследуемый моими криками и комьями земли,

ястреб разжал когти, и жаворонек как мешком упал со столба.

Подбежав, я поднял неподвижную птицу, подумал, что она уже мертва. Но та оказалась живой и невредимой, только замерла с перепугу. А когда опомнилась, вспорхнула с моей ладони и с радостным «тюрью-тюрью» полетела в сторону соседнего поля, где зеленели посевы озими. Там легче будет спрятаться от врагов.

«Счастливо отделался», — подумал я, провожая взглядом жаворонка. Не будь меня рядом, конец пришел бы ротозею.

НЕВИДИМКА

Сколько раз пытался увидеть коростель, и все не удавалось.

Вот слышишь где-нибудь в густой осоке возле речки, а то и в поле знакомое кряканье, похожее на то, как будто дергает гвозди из ржавого листа железа (отсюда и другое название коростеля — дергач). Подойдешь поближе или несильно подкрадешься, кажется, совсем рядом птица, за хвост можно схватить. Да не тут-то было: через минуту коростель кричит вон уже где, за полсотни шагов. Снова подкрадешься, от нетерпения кинешься на дергача — и снова след его простыл: так он быстро бегаёт. Даром что перепел водит «за нос», а этот и вовсе вроде насмешника.

Редко-редко удавалось мне подкрадываться к дергачу так близко, что с перепугу он поднимался на крылья и лениво пролетал расстояние в сотню-другую метров. На лету он походил сзади на кургузого перепела, а по длинно вытянутой шейке — на карликовую дикуую утку. Только ножки не подбирал, так и летел, словно подбитый, с опущенными книзу.

Мудрая птица, ничего не скажешь. Ходит-бродит себе в зарослях травы, подобно невидимке, а чем занимается, чем кормится — попробуй угадай!

Только однажды, на утренней зорьке, когда лежал я в траве, весь промокий от росы, довелось увидеть «невидимку». Кричал, кричал коростель, бродя поблизости от узенькой тропы, что протянулась вдоль ручья, смолк на минуту и... Тут-то и увидел я на тропке темно-бурую птицу на длинных и тонких ножках, чуть-чуть сгорбленную. Слово игрушечная статушка, словно привидение, возникла

она передо мной и так же неожиданно, как появилась, исчезла в траве. То ли меня заметила, то ли просто не в ее привычке показываться на глаза. Это было какое-то мгновение, так что я даже не рассмотрел ее как следует. Ждал, ждал, надеясь снова увидеть, а коростель вон уже где — кричит сердито, воинственно, будто вправду сразиться готов.

И все-таки я не пожалел той утренней зари, когда увидел потаенную птицу. Ничего-то вроде в ней особенного, а в душе — радость. Тем более что коростелей в наших местах, как и перепелов, становится все меньше и меньше. Излюбленные их места — сырые луга с кустарниками — осушают и раскорчевывают, а на полях немало их попадает, особенно птенцов, под жатки и сенокосилки. Да и при кочевке гибнет эта птица. Известно, что коростель обычно путешествует пешком, проходит огромные расстояния, причем в ночное время. На пути перед ним — тысячи препятствий...

А. КОРНЕЕВ,
г. Чехов
Московской области

«СВИРИСТЕЛЬ»

Вячеслав НИКОЛАЕВ,
г. Комсомольск-на-Амуре

В ЭТОМ НОМЕРЕ:	Клуб Почемучек	20
Ю. Линник. Язык тревоги	Е. Курочкин. Амбиортус	26
В. Есаулов. Беломорье	А. Соколов. Живые планеты	30
Ю. Артюхин. Ловкачи и простофили	Ю. Краснощеков. Бова — большая голова	33
Наш вестник	И. Чиняков. Лирохвост	34
Месяцеслов	Советы	37
О. Малов. Вальдшнеп	Оказывается	40
	Записки натуралиста	42

НАША ОБЛОЖКА:
На первой странице — птенец черноголовой чайки (фото Г. Смирнова); на второй и третьей — гравюры О. Велегжанинова «Природа» и «Палеозой, начало мезозоя»; на четвертой — вороний глаз (фото Р. Воронова, см. стр. 15).

В номере использованы фото из журналов «Wildlife», «International Wildlife» и «National Wildlife».

НАШ АДРЕС:

Телефоны: 285-88-03
285-89-67

Главный редактор Н. Н. СТАРЧЕНКО
Редколлегия: БЕЛАШОВ А. М., ГОЛОВАНОВА Т. И. (зам. главного редактора), ИВАНОВ А. Н., КИТАЕВ-СМЫК Л. А., ЛИННИК Ю. В., МАСЛОВ А. П., САНГИ В. М., ЧАШАРИН Б. А. (ответственный секретарь), ШИПУНОВ Ф. Я.
Научный консультант профессор, доктор биологических наук, академик ВАСХНИЛ Е. Е. СЫРОЕЧКОВСКИЙ
Художественный редактор А. А. ТЮРИН
Технический редактор Е. А. МАКСИМОВА
Рукописи и фото не возвращаются.
Сдано в набор 28.12.89. Подписано в печать 24.01.90. А02732. Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1, 2. Усл. печ. л. 3,9. Усл. кр.-отг. 16,9. Уч.-изд. л. 5,0. 1-й завод 1 500 000 экз. Заказ 409. Цена 25 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
«Юный натуралист», № 3, 1990, 1—48. Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сушеская, 21.

1112

Индекс 71121
Цена 25 коп.

Вороний глаз окружен ореолом волшебных поверий. Над ним колдовали, на нем загадывали. Из его черного ока на нас глядит магическая старина. Строение цветка напоминает какой-то символ. Будто зеленый чертеж пред тобой — посвященный знает: в нем зашифрован план мира.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12